

ЭМИГРАНТЪ

Литературный и иллюстрированный журналъ.

№ 4

Содержаніе:

1924 г.

„Кто они?“ — статья В. Глуховца.

„Миссія Русской Эмиграціи“ —
рѣчь Ив. Бунина.

„Памяти А. П. Чехова“ — стихи
и статья Н. Н. Карпова.

„Юбилей“ — рассказъ А. П.
Чехова.

„Рука Муміи“ — рассказъ П.
Аландскаго.

„13 дней Биля Джемсей“ — раз-
сказъ Н. Бухарскаго.

„Нашъ Юбиляръ“ — биографиче-
скій очеркъ Б. Савинова.

„Возвращеніе Гарзана“ — романъ
Э. Бюрроуза. Перев. Э. М.

Театръ и Кино.

Мелочи. Копилка курьезовъ.

Эпиграммы.

Издательство „ЭМИГРАНТЪ”

Tallinn (Reval), S. Juhkentali t. 2. Tel. 25-11

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ РАБОТЫ КЪ ВЫСТАВКѢ

В. НЕСТЕРОВЪ.

эскизы, портреты и
выѣски на стеклѣ

исполняетъ

В. НЕСТЕРОВЪ,
Ревель, Больш. Татарская 4,
Цинкографія ТАЛВИКЪ.
Телефонъ 8-10. — Телефонъ 8-10.

Вниманіе!!!

Вниманіе!!!

Быстро и ==
== **дешево**

проявляю, печатаю и
увеличиваю съ негативовъ и карточекъ.

Владимирская (S. Jakobsoni tän.)
№ 71-а, кв. 3.

Важно для любителей-фотографовъ!

Вниманіе!!!

Вниманіе!!!

Въ интеллигентной, русск. семьѣ

предлагаютъ

полный пансіонъ со стиркою бѣлья и пр. для мальчиковъ любого возраста съ платою по 4.000 мрк. въ мѣсяцъ. Ревель, Институтская, 8, кв. 1. А. А. Фрей.

ЭМИГРАНТЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакція: Suur Juhkentali tänav Nr. 2. — Телефонъ № 25-11.
Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 ч. у. до 5 ч. дня.
Объявленія: $\frac{1}{1}$ стран.—4.000 мрк., $\frac{1}{2}$ стран.—2.000 мрк., $\frac{1}{4}$ стран.—1.000 м., $\frac{1}{8}$ стран.—500 м., среди текста и на обложкѣ—50% дороже.
При повторныхъ объявленіяхъ—скидка по соглашенію. **Предложенія и спросъ труда и розыски бѣженцевъ бесплатно.**

№ 4.

Іюль 1924 г.

I годъ изданія.

Миссія Русской Эмиграціи.

Кто они?

Въ Парижѣ, въ послѣднее полугодіе былъ устроенъ рядъ вечеровъ, посвященныхъ бесѣдѣ о русской эмиграціи. Въ нихъ принимали участіе выдающіеся ученые, писатели, адвокаты и общественные дѣятели.

На одномъ изъ такихъ вечеровъ выступилъ съ рѣчью, произведшей исключительное впечатлѣніе на слушателей,—извѣстный писатель И. Бунинъ.

Успѣхъ этой рѣчи и вообще вечеровъ вспокошилъ заграничное „осиное гнѣздо“, какъ именуются нынѣ жалкіе остатки бывшихъ русскихъ социалистическихъ партій, состоящіе, собственно говоря, изъ однихъ оскандалившихся и покинутыхъ рядовыми членами вождей. И вотъ они, вкупѣ съ впавшимъ въ старческой маразмъ Милюковымъ, выпустили въ своихъ газетахъ цѣлый рядъ статей, въ которыхъ приписывали И. Бунину и затѣмъ, съ пѣною у рта, опровергали то, чего онъ вовсе и не говорилъ, т. е. прибѣгли къ своему испытанному шулерскому приему.

Конечно, эти статьи успѣха, по крайней мѣрѣ, среди эмигрантовъ не имѣли, такъ какъ авторы ихъ хорошо извѣстны. Вѣдь, въ свое время, у Милюкова, Керенскаго, Чернова и К. о. была власть, денежные и матеріальные ресурсы огромной страны, поддержка интеллигенціи, однимъ словомъ исключительно-благоприятныя возможности показать свои способности и умѣніе. И что же они сдѣлали съ Россіей, съ народомъ, съ нами?!

Ни одно правительство въ мірѣ такъ

скандально и глупо не проваливалось.

Мало того, когда лучшіе русскіе люди, желая исправить содѣянное этими горе-правителями, вели смертельную борьбу на фронтахъ, они помогали нашимъ врагамъ, разлагая взболомученные тылы Колчака, Деникина, Врангеля, о чемъ сами же потомъ цинично оповѣстили.

Они предали довѣрившихся имъ Государя и Колчака, смерть которыхъ лежитъ на ихъ совѣсти, какъ и смерть, разореніе и лишеніе родного крова многихъ миллионовъ русскихъ людей.

Казалось бы, послѣ всего совершеннаго, имъ слѣдовало бы только каяться и никоимъ образомъ не выступать ни въ роли учителей, ни въ роли критиковъ.

Но, очевидно, они природы своей измѣнить не могутъ, и мѣткая фраза И. Бунина, о тѣхъ, которые „будучи противниками, вѣрнѣе соперниками, нынѣшнихъ владыкъ Россіи, суть, однако, кровные братья послѣднихъ, пребывающіе въ нашей средѣ лишь съ цѣлью позорить насъ передъ лицомъ чужеземцевъ и разлагать насъ“, попала не въ бровь, а прямо въ глазъ ни кому-нибудь другому, а именно этой компании. Не даромъ же они такъ всполошились.

Есть хорошая итальянская пословица: „Мыть голову осламя, — терять напрасно мыло и воду“.

Пародируя ее, можно сказать:

Отвѣчать на плохо переваренную зловонную старческую жвачку Милюкова и обычныя инсинуаціи Керенскаго

и К-о., это—терять даромъ бумагу и чернила“. Разъ на нихъ не подѣйствоваль такой трагическій урокъ исторіи, то, очевидно, нѣтъ уже ничего въ мірѣ кромѣ могилы, что могло бы ихъ, какъ горбыхъ, исправить и обезвредить.

Въ опроверженіе кривотолковъ, ко-

торымъ подверглась въ упомянутыхъ выше газетахъ, а благодаря имъ, — и въ другихъ, рѣчь И. Бунина, мы печатаемъ ее полностью, и пусть читатель узнаетъ, что именно было сказано на этомъ вечерѣ „мертвецовъ-эмигрантовъ“*, — живыхъ носителей русской государственной идеи.

Рѣчь И. Бунина.

Соотечественники!

Нашъ вечеръ посвященъ бесѣдѣ о миссіи русской эмиграціи.

Мы эмигранты, — слово „émigrer“ къ намъ подходитъ, какъ нельзя болѣе. Мы въ огромномъ большинствѣ своемъ не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшіе родину. Миссія же наша связана съ причинами, въ силу которыхъ мы покинули ее. Эти причины на первый взглядъ разнообразны, но въ сущности сводятся къ одному: къ тому, что мы такъ или иначе не приняли жизни, воцарившейся съ нѣкоторыхъ поръ въ Россіи, были въ томъ или иномъ несогласіи, въ той или иной борьбѣ съ этой жизнью и, убѣдившись, что дальнѣйшее сопротивление наше грозитъ намъ лишь безплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину.

Миссія — это звучитъ возвышенно. Но мы взяли и это слово вполнѣ сознательно, памятуя его точный смыслъ. Во французскихъ толковыхъ словаряхъ сказано: „миссія есть власть (pouvoir), данная делегату идти дѣлать что-нибудь“. А делегатъ означаетъ лицо, на которомъ лежитъ порученіе дѣйствовать отъ чьего-нибудь имени. Можно-ли употреблять такія почти торжественныя слова въ примѣненіи къ намъ? Можно-ли говорить, что мы чьи-то делегаты, на которыхъ возложено нѣкое порученіе, что мы представляемъ за кого-то? Цѣль нашего вечера — напомнить, что не только можно, но и должно. Нѣкоторые изъ насъ глубоко устали и, быть можетъ, готовы, подъ разными злостными вліяніями, разочароваться въ томъ дѣлѣ, которому они такъ или иначе служили, готовы назвать свое пребываніе на чужбинѣ никчемнымъ и даже заторнымъ. Наша цѣль — твердо

сказать: подымите голову! Миссія, именно миссія, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на насъ.

Насъ, разсѣянныхъ по міру, около трехъ милліоновъ. Исключите изъ этого громаднаго числа десятки и даже сотнитысячъ, попавшихъ въ эмигрантскій потокъ уже совсѣмъ несознательно, совсѣмъ случайно; исключите тѣхъ, которые, будучи противниками (вѣрнѣе соперниками) нынѣшнихъ владыкъ Россіи, суть, однако, ихъ кровные братья; исключите ихъ пособниковъ, въ нашей средѣ пребывающихъ лишь съ цѣлью позорить насъ передъ лицомъ чужеземцевъ и разлагать насъ: останется все таки нѣчто такое, что даже одной своей численностью говоритъ о страшной важности событій, русскую эмиграцію создавшихъ, и даетъ полное право пользоваться высокимъ языкомъ. Но численность наша еще далеко не все. Есть еще нѣчто, что присваиваетъ намъ нѣкое назначеніе. Ибо это нѣчто заключается въ томъ, что поистинѣ мы нѣкій грозный знакъ міру и сильные борцы за вѣчныя, божественныя основы челоѣческаго существованія, нынѣ не только въ Россіи, но и всюду пошатнувшіяся.

Если бы даже нашъ исходъ изъ Россіи былъ только инстинктивнымъ протестомъ противъ душегубства и разрушительства, воцарившагося тамъ, то и то нужно было бы сказать, что легла на насъ миссія нѣкакого указанія: „Взгляни міръ на этотъ великій исходъ и осмысли его значеніе. Вотъ передъ тобой милліонъ изъ числа лучшихъ русскихъ душъ, свидѣтельствующихъ, что далеко не вся Россія приѣмлетъ власть, низость и злодѣянія ея захватчиковъ; передъ тобой милліонъ душъ, облеченныхъ въ глубочайшій трауръ, душъ, коимъ было дано видѣть гибель и срамъ одного изъ самыхъ могуще-

*) Выраженіе Милюкова.

ственныхъ земныхъ царствъ и знать, что это царство есть плоть и кровь ихъ; дано было оставить дома и гробы отчѣе, часто поруганные; оплакать горчайшими слезами тысячи и тысячи безвинно убиенныхъ и замученныхъ; лишиться всяческаго человѣческаго благополучія, испытать врага столь подлаго и свирѣпаго, что нѣтъ имени его подлости и свирѣпству; мучиться всѣми казнями египетскими въ своемъ отступленіи передъ нимъ, и воспринять всѣ мыслимыя униженія и зашенія на путяхъ чужеземнаго скитальчества. Взгляни, міръ, и знай, что пишется въ твоихъ лѣтописяхъ одна изъ самыхъ черныхъ и, быть можетъ, роковыхъ для тебя страницъ!“

Такъ было бы, говорю я, если бы мы были просто огромной массой бѣженцевъ, только однимъ своимъ наличіемъ вопіющихъ противъ содѣянаго въ Россіи, — были, по прекрасному выраженію одного русскаго писателя, ивиковыми журавлями, разлетѣвшимися по всему поднебесью, чтобы свидѣтельствовать противъ московскихъ убійцъ. Однако это не все, русская эмиграція имѣетъ право сказать о себѣ гораздо больше. Сотни тысячъ изъ нашей среды возстали вполнѣ сознательно и дѣйственно противъ врага, нынѣ столицу свою имѣющаго въ Россіи, но притязающаго на міровое владычество; сотни тысячъ противоборствовали ему всячески, въ полную мѣру своихъ силъ, многими смертями запечатлѣли свое противоборство — и еще неизвѣстно, что было бы въ Европѣ, если бы не было этого противоборства. Въ чемъ наша миссія, чьи мы делегаты? Отъ чьего имени дано намъ дѣйствовать и представлять? Поистинѣ дѣйствовали мы, не смотря на всѣ наши человѣческія паденія и слабости, отъ имени нашего Божескаго образа и подобія. И еще — отъ имени Россіи: не той, что предала Христа за тридцать серебрянниковъ, за разрѣшеніе на грабежъ и убійство и что погрязла въ мерзости всяческихъ злодѣяній и всяческой нравственной проказы, а Россіи другой, подъяремной, страждущей, но все же до конца не покоренной. Міръ отвернулся отъ этой страждущей Россіи, онъ только порою уподоблялся тому римскому солдату, который поднесъ къ устамъ Распятаго губку съ уксусомъ.

Европа мгновенно задавила большевизмъ въ Венгріи, не пускаетъ Габсбурговъ въ Австрію, Вильгельма въ Германію. Но когда дѣло идетъ о Россіи, она тотчасъ вспоминаетъ правило о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла сосѣда и спокойно смотритъ на русскія „внутреннія дѣла“, то есть, на шестилѣтній погромъ, дѣлящийся въ Россіи, и вотъ дошла даже до того, что узаконяетъ этотъ погромъ. И вновь, и вновь исполнилось такимъ образомъ слово Писанія; „Вотъ выйдутъ семь коровъ тощихъ и пожрутъ семь коровъ тучныхъ, сами же оттого не станутъ тучнѣе... Вотъ темнота покроетъ землю и мракъ — народы... И лицо поколѣнія будетъ собачье...“ Но тѣмъ важнѣе миссія русской эмиграціи.

Что произошло? Произошло великое паденіе Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще паденіе человѣка. Паденіе Россіи ничѣмъ не оправдывается. Неизбѣжна была русская революція или нѣтъ? Никакой неизбѣжности, конечно, не было, ибо, не смотря на всѣ эти недостатки, Россія цвѣла, росла, со сказочной быстротой развивалась и видоизмѣнялась во всѣхъ отношеніяхъ. Революція, говорятъ, была неизбѣжна, ибо народъ жаждалъ земли и таилъ ненависть къ своему бывшему господину и вообще къ господамъ. Но почему же эта, будто бы, неизбѣжная революція не коснулась, на примѣръ, Польши, Литвы? Или тамъ не было барина, нѣтъ недостатка въ землѣ и вообще всяческаго неравенства? И по какой причинѣ участвовала въ революціи и во всѣхъ ея звѣрствахъ Сибирь съ ея допотопнымъ обиліемъ крѣпостныхъ узъ? Нѣтъ, неизбѣжности не было, а дѣло было все таки сдѣлано, и какъ и подъ какимъ знаменемъ? Сдѣлано оно было ужасающе и знамя ихъ было и есть интернаціональное, то есть, претендующее быть знаменемъ всѣхъ націй и дать міру, взамѣнъ синайскихъ скрижалей и Нагорной проповѣди, взамѣнъ древнихъ божескихъ уставовъ, нѣчто новое и дьявольское. Была Россія, былъ великій, ломившійся отъ всякаго скарба домъ, населенный огромнымъ и во всѣхъ смыслахъ могучимъ семействомъ, созданный благословенными трудами многихъ и многихъ поколѣній, освященный богопочитаніемъ,

памятью о прошломъ и всѣмъ тѣмъ, что называется культурою и культурою. Что-же съ нимъ сдѣлали? Заплатили за сверженіе домоправителя полнымъ разгромомъ буквально всего дома и неслыханнымъ братоубійствомъ, всѣмъ тѣмъ кошмарно-кровавымъ балаганомъ, чудовищныя послѣдствія котораго неисчислимы и, быть можетъ, во вѣки непоправимы. И кошмаръ этотъ повторяю, тѣмъ ужаснѣе, что онъ даже всячески прославляется, возводится въ перлъ созданія и годами длится при полномъ попустительствѣ всего міра, который ужъ давно долженъ былъ бы крестовымъ походомъ идти на Москву.

Что произошло? Какъ ни безумна была революція во время великой войны, огромное число будущихъ бѣлыхъ ратниковъ и эмигрантовъ приняло ее. Новый домоправитель оказался ужаснымъ по своей всяческой негодности, однако чуть не всѣ мы грудью защищали его. Но Россія, поджигаемая „планетарнымъ“ злодѣемъ, возводящимъ разнуданную власть черни и всѣ самыя низкія свойства ея истинно въ религію, Россія уже сошла съ ума, — самъ министр-президентъ на московскомъ совѣщаніи въ августѣ 17 года заявилъ, что уже зарегистрировано, — только зарегистрировано! — десять тысячъ звѣрскихъ и бессмысленныхъ народныхъ „самосудовъ“. А что было затѣмъ? Было величайшее въ мірѣ попаніе и безчестіе всѣхъ основъ человѣческаго существованія, начавшееся съ убійства Духонина и „пахабнаго мира“ въ Брестѣ и докатившееся до людоедства. Планетарный-же злодѣй, осѣненный знаменемъ съ издѣвательскимъ призывомъ къ свободѣ, братству и равенству, высоко сидѣлъ на шеѣ русскаго дикаря и весь міръ призывалъ въ грязь топтать совѣсть, стыдъ, любовь, милосердіе, въ прахъ дробить скрижали Моисея и Христа, ставить памятники Иудѣ и Каину, учить „Семь заповѣдей Ленина“. И дикарь все дробилъ, все топталъ и даже дерзнулъ на то, чего ужаснулся бы самъ дьяволъ: онъ вторгся въ самая Святая святыхъ своей родины, въ мѣсто того страшнаго и благословеннаго таинства, гдѣ вѣка почивалъ величайшій Зиждитель и Заступникъ ея, коснулся раки Преподобнаго Сергія, гроба, передъ коимъ вѣками повергались цѣлые сонмы рус-

скихъ душъ въ самыя высокія мгновенія ихъ земного существованія. Боже, и это вотъ къ этому самому дикарю долженъ я идти на поклонъ и служеніе? Это онъ будетъ державнымъ хозяиномъ всея новой Руси, осуществившимъ свои „завѣтныя чаянія“ за счетъ сосѣда, зарѣзаннаго имъ изъ-за полдесятины лишней „земельки“? Въ прошломъ году, читая лекцію въ Сорбоннѣ, я приводилъ слова великаго русскаго историка Ключевскаго: „Конецъ русскому государству будетъ тогда, когда разрушатся наши нравственные основы, когда погаснутъ лампы надъ гробницей Сергія Преподобнаго и закроются врата Его Лавры“. Великія слова, нынѣ ставшія ужасными! Основы разрушены, врата закрыты и лампы погашены. Но безъ этихъ лампадъ не бываетъ русской землѣ — и нельзя, преступно служить ея тѣмъ.

Да, колеблются устои всего міра, и уже представляется возможнымъ, что миръ не двинулся бы съ мѣста, если бы развернулось красное знамя даже и надъ Иерусалимомъ и былъ бы выкинутъ самый Гробъ Господень: вѣдъ московскій Антихристъ уже мечтаетъ о своемъ узаконеніи даже самимъ римскимъ намѣстникомъ Христа. Міръ одержимъ еще не бывалой жадностью и равеніемъ на толпу, снова уподобляется Тиру и Сидону, Содому и Гоморѣ. Тиръ и Сидонъ ради торгашества ничѣмъ не побрезгуютъ, Содомъ и Гомора ради похоти ни въ чемъ не постѣсняются. Все растущая въ числѣ и все выше поднимающая голову толпа сгораеетъ отъ страсти къ наслажденію, отъ зависти ко всякому наслаждающемуся. И одни (жаждующіе покупателя) ослѣпляютъ ее блескомъ мірового базара, другіе (жаждующіе власти) разжиганіемъ ея зависти. Какъ пріобрѣсть власть надъ толпой, какъ прославиться на весь Тиръ, на всю Гомору, какъ войти въ бывшій царскій дворецъ или хотя бы увѣнчаться вѣнцомъ борца, яко-бы, за благо народа? Надо дурачить толпу, а иногда даже и самого себя, свою совѣсть, надо покупать расположеніе толпы угодничествомъ ей. И вотъ образовалось въ мірѣ уже цѣлое полчище провозвѣстниковъ „новой“ жизни, взявшихъ міровую привилегію, концессию на предметъ устроенія человѣческаго блага, будто бы всеобщаго и будто бы равнаго. Образовалась

цѣлая армія профессионаловъ по этому дѣлу — тысячи членовъ всяческихъ социальныхъ партій, тысячи трибуновъ, изъ коихъ и выходятъ всѣ тѣ, что въ концѣ концовъ такъ или иначе прославляются и возвышаются. Но, чтобы достигнуть всего этого, надобна, повторяю, великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революцій, надо отъ времени до времени по колѣно ходить въ крови. Главное же надо лишить толпу „опіума религіи“, дать, вмѣсто Бога, идола въ видѣ тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачевъ! Что могъ сдѣлать Пугачевъ? Вотъ „планетарный“ скотъ — другое дѣло. Выродокъ, нравственный идіотъ отъ рожденія Ленинъ явилъ міру, какъ разъ въ самый разгаръ своей дѣтельности, нѣчто чудовищное, потрясающее; онъ разорилъ величайшую въ мірѣ страну и убилъ нѣсколько миллионовъ человѣкъ — и все таки міръ уже настолько сошелъ съ ума, что среди бѣла дня спорятъ, благодѣтель онъ человѣчества или нѣтъ? На своемъ кровавомъ престолѣ онъ стоялъ уже на четверенькахъ; когда англійскіе фотографы снимали его, онъ поминутно высовывалъ языкъ: ничего не значитъ, спорятъ! Самъ Сѣмашко брякнулъ сдуру во всеуслышаніе, что въ черепѣ этого новаго Навуходоносора нашли зеленую жижу вмѣсто мозга; на смертномъ столѣ, въ своемъ красномъ гробу, онъ лежалъ, какъ пишутъ въ газетахъ, съ ужаснѣйшей гримасой на сѣро-желтомъ лицѣ: ничего не значитъ, спорятъ! А соратники его, такъ тѣ прямо пишутъ: „Умеръ новый богъ, создатель Новаго Мира, Деміургъ!“ Московскіе поэты, эти соержанцы московской красной блудницы, будто-бы родящіе новую русскую поэзію, уже давно пѣли:

Исуса на крестъ, а Варнаву —
Подъ руки и по Тверскому...
Кометой по міру вытяну языкъ,
До Египта раскорячу ноги...
Богу выщиплю бороду,
Молюсь ему матерщиной...

И если все это соединить въ одно — и эту матерщину, и шестилѣтнюю державу бѣшеннаго и хитраго маньяка, и его высовывающійся языкъ, и его красный гробъ, и то, что Эйфелева башня принимаетъ радіо о похоронахъ уже не просто Ленина, а новаго Деміурга, и о

томъ, что Градъ Святого Петра переименовывается въ Ленинградъ, то охватываетъ по-истинѣ библейскій страхъ не только за Россію, но и за Европу: вѣдь ноги-то раскорячиваются дѣйствительно очень далеко и очень смѣло. Въ свое время непременно падетъ на все это Божій гнѣвъ, — такъ всегда бывало. „Се Азъ возстану на тя, Тиръ и Сидонъ, и низведу тя въ пучину моря...“ И на Содомъ и Гомору, на всѣ эти Ленинградъ падетъ огонь и сѣра, а Сіонъ, Селимъ, Божій Градъ Мира, пребудетъ во вѣки. Но что-же дѣлать сейчасъ, что дѣлать человѣку вотъ этого дня и часа, русскому эмигранту?

Миссія русской эмиграціи, доказавшей своимъ исходомъ изъ Россіи и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страхъ, но и за совѣсть не пріемлетъ Ленинскихъ градовъ, миссія эта заключается нынѣ въ продолженіи этого непріятія. „Они хотятъ, чтобы рѣки текли вспять, не хотятъ признать совершившагося!“ Нѣтъ, не такъ, мы хотимъ не обратнаго, а только иного теченія. Мы не отрицаемъ факта, а расцѣпываемъ его, — это наше право и даже нашъ долгъ, — и расцѣпываемъ съ точки зрѣнія не партійной, не политической, а человѣческой, религіозной. „Они не хотятъ ради Россіи претерпѣть большевика!“ Да, не хотимъ — можно было претерпѣть ставку Батя, но Ленинградъ нельзя претерпѣть. „Они не прислушиваются къ голосу Россіи!“ Опять не такъ: мы очень прислушиваемся и — ясно слышимъ все еще тотъ же и все еще преобладающій голосъ хама, хищника и комсомольца, да глухіе вздохи. Знаю, многіе уже сдались, многіе пали, а сдадутся и падутъ еще тысячи и тысячи. Но все равно: останутся и такіе, что не сдадутся никогда. И пребудутъ въ вѣрности заповѣдямъ Синайскимъ и Галилейскимъ, а не планетарной матерщинѣ, хотя бы и одобренной самимъ Макдональдомъ. Пребудутъ въ любви къ Россіи Сергія Преподобнаго, а не той, что распѣвала: „Ахъ, ахъ, тра-та-та, безъ креста!“ и будто бы мистически пылала во имя какого-то будущаго, вящаго возсіянія. Пылала! Не пора ли оставить эту безсердечную и жульническую игру словами, эту политическую риторіку, эти литературныя пошлости? Не велика радость пылать въ сypномъ

тифу или подъ пощечинами чекиста! Цѣлые города рыдали и цѣловали землю, когда ихъ освобождали отъ этого пыланія. „Народъ не принялъ бѣлыхъ... Что же, если это такъ, то это только лишнее доказательство глубокаго паденія народа. Но, слава Богу, это не совсѣмъ такъ: не принималъ хулиганъ, да жадная гадина, боявшаяся, что у нея отнимутъ назадъ ворованное и грабленное.

Россия! Кто смѣетъ учить меня любви къ ней? Одинъ изъ недавнихъ русскихъ бѣженцевъ рассказываетъ, между прочимъ, въ своихъ запискахъ о тѣхъ забавахъ, которымъ предавались въ одномъ мѣстечкѣ красноармейцы, какъ они убили однажды какого-то нищаго старика (по ихъ подозрѣнїямъ, богатаго), жившаго въ своей хибаркѣ совсѣмъ одиноко, съ одной худой собаченкой. Ахъ, говорится въ запискахъ, какъ ужасно металась и выла эта собаченка вокругъ трупа и какую лютую ненависть прїобрѣла она послѣ этого ко всѣмъ красноармейцамъ: лишь только завидитъ вдали красноармейскую шинель, тотчасъ же вихремъ несется, захлебываясь отъ яростнаго лая! Я прочелъ это съ ужасомъ и восторгомъ, и вотъ молю Бога, чтобы Онъ до моего послѣдняго издыханія продолжилъ во мнѣ подобную же собачью святую ненависть къ русскому Каину. А моя любовь къ русскому Авелю не нуждается даже въ молитвахъ о поддержанїи ея. Пусть не всегда были подобны горнему снѣгу одежды бѣлаго ратника,—да святится во-вѣки его память! Подъ триумфальными вратами галльской доблести неугасимо пылаетъ жаркое пламя надъ гробомъ безвѣстнаго солдата. Въ дикой и нынѣ мертвой русской степи, гдѣ почиетъ бѣлый ратникъ, тьма и пустота. Но знаетъ Господь, что творить. Гдѣ тѣ врата, гдѣ то пламя, что были бы достойны этой могилы? Ибо тамъ гробъ Христовой Россїи. И только ей одной преклонюсь я, въ день, когда Ангелъ отвалитъ камень отъ гроба ея.

Будемъ же ждать этого дня. А до того да будетъ нашей миссїей не сдаваться ни соблазнамъ, ни окрикамъ. Это глубоко важно и вообще для неправед-

Не смѣшивайте съ другими фирмами! Обращайте вниманіе на № 6.

Фактъ, а не реклама!!

Не забудьте обратить вниманіе на № 6. Эстонскій магазинъ: Аптекарскій пер., № 6. Только тамъ можно дешево купить изъ хорошаго матеріала:

Модныя весеннія пальто изъ хорошаго драпа по 3.300 мар. и дороже.

Костюмы по 2.600 мар. и дороже.

Мужск. брюки по 700 м. и дороже.

Дождевики по 2.400 мар. и дороже.

Просимъ убѣдиться лично!

Просимъ не смѣшивать съ другими фирмами!

Просимъ обратить вниманіе:
Аптекарскій пер., № 6.

наго времени сего, и для будущихъ праведныхъ путей самой-же Россїи.

А кромѣ того, есть еще нѣчто, что гораздо больше даже и Россїи и особенно ея матеріальныхъ интересовъ. Это—мой Богъ и моя душа. „Ради самаго Иерусалима не отрекусь отъ Господа!“ Вѣрный еврей ни для какихъ благъ не отступится отъ вѣры отцовъ. Святой Князь Михаилъ Черниговскій шелъ въ Орду для Россїи; но и для нея не согласился онъ поклониться идоламъ въ ханской ставкѣ, а избралъ мученическую смерть.

Говорили скорбно и трогательно, говорили на древней Руси: „Подождемъ, православные, когда Богъ перемѣнитъ орду“.

Давайте подождемъ и мы. Подождемъ соглашаться на новый „пахабный миръ“ съ нынѣшней ордой.

Ив. Бунинъ.

Памяти А. П. Чехова.

Онъ ушелъ отъ насъ въ яркій ликующій день,
Въ мѣрь, гдѣ нѣтъ ни тоски, ни печали...
А надъ гробомъ склонилась скорбящая тѣнь
И рыданья надъ нимъ прозвучали.

* * *

Панихиду служилъ по немъ „Черный монахъ“,
Къ ней собрались все „Хмурые люди“
И сковаль ихъ безмолвьемъ панической „Страхъ“,
Больно сжались усталыя груди.

* * *

„Дядя Ваня“ принесъ свой прощальный привѣтъ,
Плачутъ „Сестры“, вѣтки заплетая,
А въ Крыму, гдѣ слагалъ свои пѣсни поэтъ,
Стонетъ „Чайка“, надъ моремъ летая...

Въ ночь на 2/15-ое Іюля 1904 года, въ германскомъ курортѣ Баденъ-Вейлерѣ, умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Двадцать лѣтъ назадъ угасъ пѣвецъ сумерекъ русской души. Но, угасая, пламенѣлъ вѣрой въ грядущій разсвѣтъ обновленія.

Измученный недугомъ, изстрадавшийся среди людской пошлости, безволія, скудоумія, онъ всепрощающе сулилъ человѣчеству жизнь тихую, нѣжную, сладкую, какъ ласка. Ту жизнь, гдѣ все зло земное, всѣ страданія потонутъ въ милосердномъ лицѣ всего міра.

Велико же личное счастье Чехова, завершившаго круговой путь своего бытія именно въ ту пору надеждъ и упованій!..

Его не коснулись ужасы войны — кошмарной бойни народовъ, а также наша „великая безкровная“ революція.

Онъ не зналъ опозоренной родины, голодной, ограбленной, скованной цѣпями неслыханнаго въ исторіи рабства.

Не видѣлъ безчисленныхъ тюремъ, храмовъ, превращенныхъ въ театры, городовъ — въ живыя кладбища.

Его слуха не оглушалъ вопль пытаемыхъ, умученныхъ, обреченныхъ смерти.

Всегда открытое добру, любви и правдѣ сердце Чехова не разрывалось отъ плача вдовъ и сиротъ, отъ безумнаго крика невинныхъ дѣвушекъ, бросаемыхъ въ грязныя объятія, озвѣрѣвшихъ отъ крови и похоти „товарищей“ всѣхъ чиновъ и ранговъ...

Чеховъ не переживалъ всѣхъ прелестей комиссародержавія.

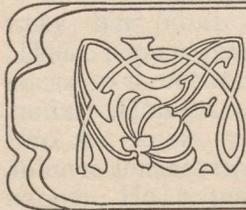
И ясный, творческій мозгъ его не пронзала мысль: „Я брежу или сошелъ съ ума?!“...

Да, онъ успѣлъ уйти въ могилу покойно, съ мечтой о Россіи, какою рисовалъ въ своей свободолюбивой, кристально-чистой душѣ.

И мы, любящіе свою родину, болѣющие ея болями, здѣсь, за рубежомъ, почтимъ его память добрымъ словомъ.

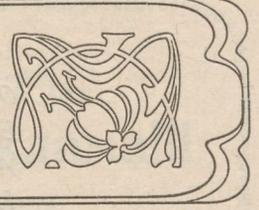
Будемъ благодарны судьбѣ за то, что руссійское позорище ни съ какой стороны не коснулось свѣтлаго имени Антона Павловича Чехова.

Н. Н. Карповъ.

ЮБИЛЕЙ *).

РАЗСКАЗЪ А. П. ЧЕХОВА.

Въ гостиницѣ „Карсъ“ происходило скромное торжество: актерская братія давала обѣдъ трагику Тигрову, въ честь его двадцатипятилѣтняго служенія на артистическомъ поприщѣ. За длиннымъ столомъ засѣдалъ весь персоналъ, за исключеніемъ одного только антрепренера, который по скуности въ обѣденной подникѣ не участвовалъ, но обѣщался пріѣхать къ концу обѣда. „Уважаемый товарищъ“, на правахъ виновника торжества, сидѣлъ на самомъ главномъ мѣстѣ, въ креслѣ съ высокой, прямой спинкой. Онъ былъ красенъ, много потѣлъ, кричалъ, моргалъ глазами, вообще чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Волновался ли онъ отъ наплыва юбилейныхъ чувствъ или отъ того, что явился къ обѣду, будучи уже на „седьмомъ гвоздѣ“, понять было трудно. По правую руку его сидѣла grande-dame Ликанида Ивановна Свирѣпѣва, „обоже“ антрепренера, въ черепаховомъ рinсе-nez и съ щедро напудреннымъ носомъ, по лѣвую — ingénue Софья Денисовна Унылова. Отъ дамъ по обѣ стороны стола тянулось два ряда мужчинъ съ бритыми физиономіями.

Передъ супомъ, когда актеры выпили водки и закусили, поднялся резонеръ Бабель-мандебскій и произнесъ:

— Господа! Предлагаю выпить тостъ за здоровье юбиляра Василиска Африканыча Тигрова! Уррр...а...а!

Актеры рывкнули ура, поднялись съ мѣстъ и повалили къ юбиляру. Послѣ долгаго чоканья и поцѣлуевъ, когда актеры усѣлись, поднялся jeune premier Виоланскій, человекъ безталанный, но пріобрѣтшій репутацію актера образованнаго только потому, что говоритъ въ носъ, держитъ у себя въ номерѣ словарь „30,000 иностранныхъ словъ“ и мастеръ говорить длинные рѣчи.

— Уважаемый товарищъ! — началъ онъ, закатывая глаза. — Сегодня исполнилось ровно четверть столѣтія съ того момента, когда ты вступилъ на тернистую стезю искусства. Да! Ты удивленно, съ нѣкоторымъ страхомъ оглядываешься на пройденный тобою путь, и я вижу, какъ чело твое покрывается морщинами. Да, то былъ страшный путь! Вдали мерцала твоя звѣзда... Окутанный беспросвѣтно тьмою, ты жадно стремился къ ней, а на пути твоимъ лежали пропасти и овраги, полные шипящихъ змій, амфибій и гадовъ.

Далѣе ораторъ сказалъ, что ни у кого нѣтъ столько враговъ, какъ у актеровъ. Выбрасывая въ воздухъ мысль за мыслью, онъ высказалъ, что даже посредственный актеръ, скромно подвизающійся гдѣ-нибудь въ глуши, приноситъ человѣчеству гораздо больше пользы,

чѣмъ Струве, строящій мосты, или Яблочкинъ, выдумывающій электрическое освѣщеніе, что можно еще поспорить о томъ, что полезнѣе: театръ или желѣзные дороги? Все болѣе воспламеняясь, онъ заявилъ, что, не будь на землѣ искусствъ, земля обратилась бы въ пустыню, что міръ погибаетъ отъ матеріализма и что на обязанности людей искусства лежить: „жечь сердца“ служителей золотого тельца. Чортъ знаетъ, чего онъ только ни говорилъ, и кончилъ тѣмъ, что погрозилъ окну кулакомъ, отшвырнулъ отъ себя салфетку и сказалъ, что оцѣнить Тигрова можетъ одно только благородное потомство.

Когда онъ умолкъ, актеры опять рывкнули ура и, шумно поднявшись съ мѣстъ, повалили къ юбиляру. Виоланскій три раза поцѣловался съ Тигровымъ и отъ лица всѣхъ товарищей поднесъ ему небольшой плюшевый альбомъ, съ вышитыми на немъ золотою канителью литерами „В. Т.“ Растроганный трагикъ заплакалъ, обнявъ всѣхъ обѣдавшихъ, потомъ въ сладостномъ изнеможеніи опустился на свое кресло и дрожащими пальцами сталъ перелистывать альбомъ. Во всемъ альбомѣ было около двадцати фотографій, но не было ни одной маломальски приличной, человѣческой физиономіи. Въмѣсто лицъ, были какіе-то рожи съ кривыми ртами, приплюснутыми носами и съ слыхкомъ прищуренными или неестественно выпученными глазами. Ни одинъ галстукъ не сидѣлъ на мѣстѣ, всѣ рожи имѣли звѣрское выраженіе, а голова суфлера Пудоѣдова имѣла два контура, изъ которыхъ одинъ былъ плохо замазанъ ретушью. (Дѣло въ томъ, что актеры ходили сниматься въ Николинъ день, побывавъ на трехъ именинахъ, и снималъ ихъ „фотографъ Дергачевъ изъ Варшавы“, маленький подслѣповатый человекъ, занимающійся сразу тремя ремеслами: фотографіей, зубодерганьемъ и ссудой денегъ подъ залогъ).

Передъ жаркимъ говорилъ простакъ, безпаспортный актеръ, называющій себя Григоріемъ Борщовымъ. Онъ вытянулъ шею, приложилъ руку къ сердцу и сказалъ:

— Послушай, Вася!.. Честное мое слово... накажи меня Господь, у тебя есть талантъ! Всякій тебѣ скажетъ, что есть... И ты далеко бы, братъ, пошелъ, если бъ не эта штука (ораторъ щелкнулъ себя по шеѣ) и если бъ не твой собачій характеръ... Чортъ тебя знаетъ, вездѣ ты лѣзешь въ драку и въ ссору, суешься со своей честностью, куда и не нужно... Ты меня, братъ, извини, но я по совѣсти... ей-Богу! Такой у тебя сволочной характеръ, что никакой чортъ съ тобой не уживется... Это вѣрно! Ты, братъ, извини, я вѣдь тебя люблю... и всякій тебя любитъ...

Борщовъ потянулся и поцѣловалъ юбиляра въ щеку.

— Извини, душа моя, — продолжалъ онъ. —

*) Настоящій рассказъ не вошелъ въ собраніе сочиненій Чехова и доставленъ намъ изъ Россіи.

У тебя есть талант! Только ты не того... не налегай на портвейнъ. Послѣ водки этотъ сиволдай — смерть!

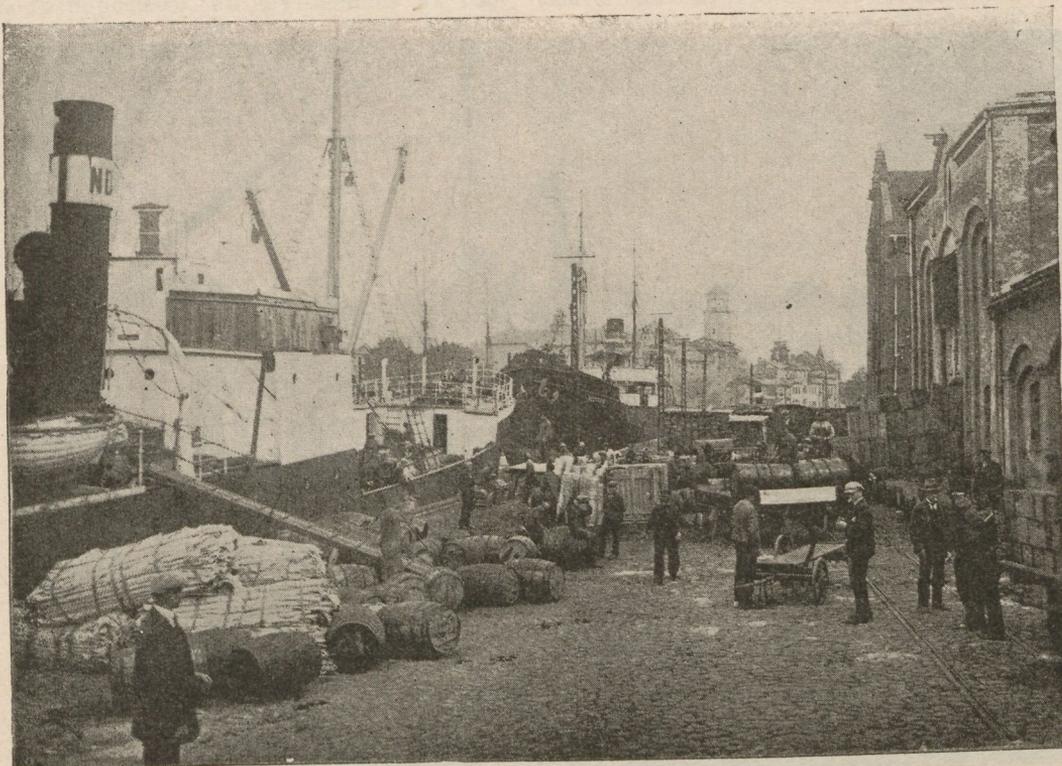
Послѣ Борщова заговорилъ самъ юбиляръ. Съ вдохновеніемъ, плачущимъ лицомъ, моргая глазами и терзая въ рукахъ носовой платокъ, онъ поднялся и началъ дрожащимъ голосомъ:

— Милые и дорогіе друзья мои! Позвольте мнѣ въ сей радостный день высказать передъ вами все, что накопилось тутъ, въ груди, подъ сводами моего душевнаго зданія... Передъ вами старецъ, убѣленный сѣдинами, стоящій одною ногою въ могилѣ... Я... я плачу. Впрочемъ, что такое слезы человѣческія? Одна только малодушная психіатрія и больше ничего! Бодро же,

шесть городовъ! И что же?! Не прошло ли одного дня въ моей жизни, чтобы я не падалъ жертвою гнусной интриги.

Такой переходъ въ рѣчи Тигрова не можетъ показаться страннымъ: существуетъ законъ природы, по которому русскій актеръ, говоря даже о погодѣ, не можетъ умолчать объ интригахъ...

— Всякій, кто могъ, разставлялъ передо мной сѣти ехидства и иезуитизма! продолжалъ трагикъ, сердито вращая глазами. — Я все выскажу! Пусть волосы ваши станутъ дыбомъ, пусть кровь замерзнетъ въ жилахъ и дрогнутъ стѣны, но истина пусть идетъ наружу! Ничего не боюсь!

Мемельская гавань едва не пострадавшая отъ взрыва, случайно предотвращеннаго.

старикъ! Прочь слезы! Не старѣйте нервы! Держите персть возвышенно и прямо! Передъ вами, друзья, актеришка Тигровъ, тотъ самый, который заставлялъ дрожать стѣны тридцати шести театровъ, тотъ самый, который воплотилъ образы Велізарія, Отелло, Франца Моора! Тридцати шести городамъ извѣстно имя мое... Вотъ!

Тигровъ подѣлъ въ карманъ, досталъ оттуда пачку трактирныхъ счетовъ и потрясъ ею въ воздухъ.

— Вотъ доказательство! крикнулъ онъ, гордо поднимая голову. — Счетъ Московской гостиницы „Грандъ-Отель“, счетъ Харьковской гостиницы „Бельвио“, Пензенской Варенцова, Таганрогской „Европейской“, Саратовской „Столичной“, Оренбургской „Европейской“, Тамбовской „Грандъ-Отель“, Архангельской „Золотой Якорь“ и такъ далѣе! Вотъ! Тридцать

Но истина не успѣла выйти наружу, такъ какъ открылась дверь и въ залу вошелъ антрепренеръ Финиковъ-Діамантовъ, высокій тощій человѣкъ, съ лицомъ отставнагостряпчачо и съ большими кусками ваты въ ушахъ. Вошелъ онъ, какъ входятъ вообще всѣ русскіе антрепренеры: сѣменя ножками, потирая руки и пугливо озираясь назадъ, словно только-что крадь куръ или получилъ хорошую встрепку отъ жены. Какъ и всѣ антрепренеры, онъ имѣлъ озябшій виноватый видъ, говорилъ противнымъ, заискивающимъ теноркомъ и каждую минуту давалъ впечатлѣніе человѣка, куда-то спѣшащаго и что-то забывшаго.

— Здравствуй, Василіскъ Африканычъ, — быстро заговорилъ онъ, подходя къ юбиляру.

— Поздравляю тебя, голубчикъ... Охъ, замучился! Ну дай тебѣ Богъ, понимаешь... Вѣдь я тебя 15 лѣтъ знаю! Вѣдь я тебя помню,

когда ты еще у Милославскаго служил! Охъ, забѣгался совсѣмъ.

Діамантовъ пугливо оглядѣлся и, потирая руки, сѣлъ за столъ.

— Сейчасъ у городского головы былъ, — продолжалъ онъ, подозрительно оглядывая тарелку. — Приглашалъ меня къ чаю, да я отказался... Просто замучился, бѣгаючи! Въ подпискѣ на обѣдъ я, кажется, не участвовалъ, а все-таки я... водки выпью...

— Продолжай, продолжай! — замахали руками актеры, обращаясь къ юбиляру.

Тигровъ еще больше нахмурился и заговорилъ:

— Ежели, господа, кому-нибудь мои слова не понравились, тотъ пусть выходитъ, но я

лишь взгляды! Теперь принято требовать для сцены жизненность. Мамочка моя, для сцены не нужна жизненность! Пропади она, жизненность. Ее ты увидишь вездѣ: и въ трактирѣ, и дома, и на базарѣ, но для театра ты давай экспрессию! Тутъ экспрессія нужна!

Кой чортъ экспрессія! Нужно, чтобъ жуликовъ, да прохвостовъ поменьше было, а не экспрессія! Чортъ ли въ ней въ экспрессіи, если актеры по цѣлымъ мѣсяцамъ жалованья не получаютъ!

— Вотъ видишь, какой ты! — вздохнул антрепренеръ, дѣлая плачущее лицо. Всегда ты норовишь сказать какую-нибудь колкость! И къ чему эти намеки, подулова? Говорилъ бы прямо, въ глаза... Впрочемъ, мнѣ нѣкогда

Новая Мемельская гавань.

привыкъ правду рѣзать и... никакого чорта не боюсь.

— Никто не смѣетъ мнѣ запретить говорить... Да... Что хочу, то и того... говорю... Я свободенъ!

— Ну и говори!

— Я вообще желаю вамъ сказать, что въ послѣдніе годы сценическое искусство по... пало... А почему? А потому, что оно попало въ руки... (Трагикъ сдѣлалъ звѣрское лицо и продолжалъ шипящимъ полушопотомъ)... попало въ руки гнусныхъ кулаковъ, презрѣнныхъ рррабовъ, погрязшихъ въ копѣйкахъ, палачей искусства, созданныхъ, чтобъ пресмыкаться, а не главенствовать въ храмѣ музъ! Да—а!

— Постой, постой, — перебилъ его Діамантовъ, накладывая себѣ на тарелку гуся съ капустой. — Совсѣмъ не то! Искусство, дѣйствительно, пало, но почему? Потому, что измѣни-

я вѣдъ на минутку забѣжалъ... Мнѣ еще въ типографію сбѣгать нужно..

Діамантовъ вскочилъ, помялся около стола, тоскливо покосился на гуся и, отдавъ общій поклонъ, засмѣнилъ къ выходу.

— А креслицо-то вы изъ театра взяли! — сказалъ онъ, подойдя къ двери и указывая на кресло, на которомъ сидѣлъ юбиляръ. — Не забудьте назадъ принести, а то Гамлета придется играть, и Клавдію не на чемъ сидѣть будетъ. Добраго здоровья!

По его уходѣ юбиляръ надулся.

— Такъ порядочные люди не дѣлаютъ, — заворчалъ онъ. — Это подло съ вашей стороны... Отчего вы меня не поддержали? Я хотѣлъ этого собаку въ дрызгъ разбить...

Когда послѣ десерта дамы распрощались и уѣхали, юбиляръ совсѣмъ раскисъ и сталъ неприлично браниться. Винные бутылки бы-

ли уже пусты, а потому актеры начали опять съ водки. Со всѣхъ концовъ стола посыпались анекдоты, а когда запасъ анекдотовъ изсякъ, начались воспоминанія о пережитомъ. Эти воспоминанія всегда служатъ лучшимъ украшеніемъ актерскихъ компаній. Русскій актеръ безконечно симпатиченъ, когда бываетъ искренень, и вмѣсто того, чтобы говорить вздоръ объ интригахъ, паденіи искусства, пристрастіи печати и проч., повѣствуетъ о видѣнномъ и слышанномъ... Иногда достаточно бываетъ выслушать какого-нибудь захудалаго испитого комика, вспоминающаго былое, чтобы въ вашемъ воображеніи выросъ одинъ изъ привлекательнѣйшихъ поэтическихъ образовъ, образъ чело-вѣка легкомысленнаго до могилы, взбалмошнаго, часто порочнаго, но неумоимаго въ своихъ скитаніяхъ, выносливаго, какъ камень, бурнаго, безпокойнаго, вѣрующаго и всегда несчастнаго, своей широкой натурой, беззаботностью и не будничнымъ образомъ жизни напоминающаго былыхъ богатырей... Достаточно послушать воспоминаній, чтобы простить рассказчику всѣ его прегрѣшенія, вольные и невольные, увлечься и позавидовать.

Въ часу десятомъ обѣдающіе стали расплачиваться за обѣдъ, что, конечно, не обошлось безъ длинныхъ разговоровъ и вызова хозяина гостиницы. Такъ какъ рано было спать, изъ „Карса“ всѣ актеры отправились въ „Грузію“, гдѣ играли на билліардѣ и пили пиво.

— Господа, шампанскаго? — разошелся юбиляръ.

— Сегодня же... желаю пить шампанское! Угощаю всѣхъ!

Но шампанскаго не пришлось пить, такъ какъ у трагика въ карманахъ не нашлось ни копѣйки.

— Гриша! — бормоталъ онъ, выходя изъ „Грузіи“ съ Боршовымъ и Виоланскимъ... — Намъ бы еще въ „Прагу“ съѣздить... Рано еще спать! Гдѣ бы пять цѣлковыхъ достать?

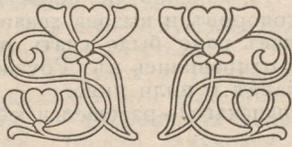
Актеры остановились и начали думать.

— Знаешь что? — надумалъ Виоланскій. — Снесемъ-ка Дергачу альбомъ! На кой чортъ онъ тебѣ сдался? Ей-Богу! Дастъ три цѣлковыхъ — и будетъ съ насъ!

Юбиляръ согласился, и черезъ четверть часа трое путниковъ уже стучались въ ворота Дергачева.

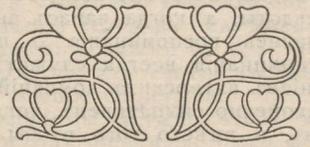

Ориг. рис. худ. Н Колмакова.

Рука муми.

Разсказъ
Петра Аландскаго.

... — Убийство Роберта Дойля, знаменитаго англійскаго ученаго! По подозрѣнію арестованъ докторъ Уильсонъ!

Кричали газетчики утромъ 24 мая 1918 года на улицахъ Лондона.

Газеты покупались на расхватъ, но никакихъ подробностей происшествія въ газетахъ не было. Сообщалось только, что убійство Дойля было совершено въ его собственной виллѣ и обнаружено поздно вечеромъ 23-го и что арестованъ по подозрѣнію другъ покойнаго, хорошо извѣстный въ Лондонѣ докторъ Уильсонъ. Рядомъ съ трупомъ Роберта Дойля лежалъ опрокинутый несгораемый шкафъ. Когда полицейскіе подняли шкафъ, подъ нимъ оказалась разможженная, совершенно сухая кисть человеческой руки. У стѣны на столѣ, приспособленномъ для анатомическихъ работъ, былъ найденъ обнаженный трупъ мужчины. Онъ былъ, какъ это выяснило предварительное слѣдствіе, вывезенъ Дойлемъ 22-го изъ Центрального морга для научныхъ работъ.

Дѣло было поручено опытному слѣдователю Джемсу Джекингу, который немедленно и приступилъ къ допросу доктора. Докторъ, рѣшительно отрицая свою виновность, давалъ такія странныя объясненія, что слѣдователь счелъ необходимымъ подвергнуть его экспертизѣ психіатровъ. Но психіатры признали доктора психически нормальнымъ, причемъ, однако, засвидѣтельствовали, что нервная система доктора чѣмъ-то сильно потрясена.

И 2 іюля 1918 года докторъ Уильсонъ предсталъ передъ судомъ.

.....
.....
.....

Большая зала суда была полна самой фешенебельной публикой. Присутствовало немало представителей и научнаго мира: докторъ имѣлъ прекрасную практику въ аристократическихъ кругахъ, а Дойль былъ хорошо извѣстенъ своими трудами лондонскимъ ученымъ. Онъ прославился замѣ-

чательными открытіями по вопросу о древнеегипетскихъ способахъ бальзамированія.

Еще не окончивъ своего труда, Робертъ Дойль сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ докладовъ по этому вопросу и пришелъ къ такимъ неожиданнымъ выводамъ, что объ его трудахъ заговорили ученые всего міра.

Окончанія его работы ждали съ нетерпѣніемъ. Но вдругъ Робертъ Дойль оставилъ шумный Лондонъ и переѣхалъ въ свою загородную виллу, гдѣ у него была небольшая, но хорошо оборудованная лабораторія. Этому отъѣзду не очень удивились, — Робертъ Дойль слылъ большимъ оригиналомъ. Онъ и въ Лондонѣ жилъ очень уединенно, рѣдко выѣзжалъ и къ себѣ принималъ только немногихъ друзей, изъ которыхъ самымъ близкимъ былъ докторъ медицины мистеръ Арнольдъ Уильсонъ.

Допрое стараго слуги Георга, который служилъ у Дойля около 15 лѣтъ, разочаровалъ публику, онъ ничего цѣннаго не сообщилъ. Георгъ разсказалъ только, что около 10 часовъ вечера, проходя мимо кабинета, услышалъ смѣхъ мистера Дойля. По его словамъ, смѣхъ былъ какой-то странный, — такого онъ никогда не слышалъ.

Въ недоумѣніи онъ простоялъ около дверей нѣсколько минутъ, затѣмъ направился къ себѣ. Съ полчаса онъ пробывъ въ вестибюлѣ и вдругъ изъ кабинета раздался душераздирающій крикъ. Чей это былъ голосъ, онъ разобрать не могъ. Внѣ себя отъ ужаса кинулся онъ къ кабинету. Въ этотъ моментъ раздался грохотъ, какъ-бы отъ паденія чего-то тяжелаго, а затѣмъ рѣзкій звонокъ...

Когда онъ вбѣжалъ въ кабинетъ, глазамъ его представилась страшная картина... Посреди комнаты лежалъ съ посинѣвшимъ, перекореннымъ лицомъ трупъ его хозяина... Около него былъ опрокинутъ тяжелый несгораемый шкафъ, въ которомъ покойный хранилъ свои бумаги.

За шкафомъ, прижавшись къ стѣнѣ, стоялъ блѣдный, какъ полотно, съ искаженнымъ лицомъ докторъ Уильсонъ. Повиди-

мому, позвонилъ онъ, такъ какъ больше никого въ комнатѣ не было. Докторъ задыхающимся голосомъ попросилъ скорѣе вызвать полицію, что Георгъ и сдѣлалъ немедленно.

Вотъ и все, что онъ зналъ.

Послѣ показанія полицейскаго, председатель суда далъ слово обвиняемому.

Докторъ былъ блѣденъ. Онъ тихо поднялся и медленнымъ взглядомъ окинулъ собравшуюся въ залѣ публику.

Онъ заговорилъ:

— Господа! Меня обвиняютъ въ убійствѣ моего друга Роберта Дойля! Я невиновенъ! Не я совершилъ это преступленіе... это даже не преступленіе... это... какой-то бредъ!.. кошмаръ!

Я вамъ расскажу все по порядку и клянусь, что мой рассказъ будетъ правдивъ.

23 іюня, такъ около 8 часовъ вечера, Робертъ Дойль позвонилъ ко мнѣ по телефону. Онъ настойчиво требовалъ, чтобы я къ нему немедленно пріѣхалъ. Я забылъ еще сказать, что въ тотъ же день онъ позвонилъ ко мнѣ еще утромъ, но меня не было дома. Я очень усталъ послѣ работы и хотѣлъ отдохнуть, но Робертъ такъ меня просилъ, что я одѣлся и вышелъ изъ дому.

Приблизительно черезъ часъ я былъ у него.

Георгъ, открывшій мнѣ дверь, помогъ мнѣ снять пальто и провелъ въ кабинетъ. Когда я вошелъ къ Роберту, онъ бросился ко мнѣ съ такой стремительностью, что я невольно отступилъ назадъ. Меня поразило его лицо. Такимъ я еще никогда его не видѣлъ. Всегда спокойный и корректный, онъ стоялъ передо мною кое-какъ, неряшливо одѣтымъ, съ растрепанными волосами, съ лихорадочно горящими глазами.

Онъ протянулъ мнѣ обѣ руки и сказалъ:

— Благодарю... благодарю... я такъ боялся, что ты не придешь!.. Ты мнѣ сейчасъ такъ нуженъ... такъ нуженъ!..

Удивленный, я пожалъ ему руку и сказалъ:

— Помилуй, Робертъ, къ чему благодарить?!.. Я терялся въ догадкахъ, что могло случиться съ Робертомъ.

— Не говори, не говори!.. — хватая меня за рукавъ, точно боясь, что я уйду, быстро проговорилъ онъ, — я знаю, какъ тебѣ было трудно пріѣхать, но ты... не раскаешься!.. Ты даже придешь въ восторгъ!.. Онъ разсмѣялся сухимъ, нервнымъ

смѣхомъ и быстро зашагалъ по комнатѣ странной, колеблющейся походкой.

Я опустился въ кресло, продолжая съ изумленіемъ глядѣть на моего друга. Я не спускалъ съ него глазъ и ровно ничего не понималъ.

Робертъ все ходилъ по комнатѣ и молчалъ, погруженный въ свои думы.

Я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Успокойся, дорогой Робертъ! Расскажи мнѣ лучше, что случилось? Зачѣмъ ты меня звалъ?

Робертъ остановился и, посмотрѣвъ на меня, сказалъ торжественно:

— Арнольдъ! Я сдѣлалъ такое открытіе, которое должно увѣковѣчить мое имя!

Онъ опять замолчалъ, пристально глядя на меня. Я съ тревогой посмотрѣлъ на него. „Не сошелъ ли онъ съ ума?“ мелькнуло у меня въ головѣ. Однако, я ему ничего не сказалъ и только повторилъ свою просьбу сказать, въ чемъ состояло его открытіе. Робертъ сѣлъ въ кресло.

— Ты, конечно, знаешь Арнольдъ, что я заинтересовался способомъ балъзамирования и для своихъ работъ пріобрѣлъ съ трудомъ, за колоссальные деньги, двѣ муміи. Увлечшись этими занятіями, я принужденъ былъ попутно заняться химіей, фізіологіей и другими близко стоящими къ моей работѣ науками. Я совершенно случайно обратилъ вниманіе на способы оживленія сердца и другихъ тканей на короткій срокъ различными химическими реагентами вродѣ составовъ—Локка, Лангендорфа и другихъ. Я рѣшилъ въ свободное время повторить эти опыты. Производя цѣлый рядъ послѣднихъ, я убѣдился въ ихъ огромной важности. Ты, можетъ быть, помнишь, что можно заставить сердце млекопитающихся нѣкоторое время сокращаться, погруживъ его въ тотъ или иной составъ?—вдругъ прервавъ свой рассказъ, спросилъ Робертъ.

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Ага! Ты помнишь? Ну такъ знай!.. Робертъ поднялся и съ гордостью посмотрѣлъ на меня. — Я сдѣлалъ большее... Я могу оживить человека!..

Я невольно поднялся съ кресла. Теперь я былъ почти увѣренъ, что мой другъ помѣшался.

— Что съ тобой? Ты говоришь невозможные вещи! — сказалъ я, какъ можно спокойно. Робертъ ничего не отвѣтилъ. Глаза его сверкнули. По блѣдному лицу пробѣжала легкая судорога.

— Итакъ, по твоему, это невозможно?.. Это невѣроятно? — волнуясь, заговорилъ онъ. — Я докажу тебѣ, что ты ошибаешься!.. Ты сію минуту собственными глазами убѣдишься въ истинѣ моихъ словъ. Но прежде, чѣмъ оживить этого субъекта, — при этихъ словахъ онъ сорвалъ простыню съ длиннаго предмета, лежавшаго на столѣ за нами, и я невольно вскрикнулъ: на столѣ лежалъ обнаженный трупъ мужчины. Робертъ продолжалъ:

— Итакъ, прежде, чѣмъ оживить его, я воскрешу вотъ эту руку. Онъ, не торопясь, вынулъ изъ небольшого ящичка, стоящаго на его письменномъ столѣ, сухую кисть руки съ длинными, тонкими пальцами и крашеными ногтями.

— Не знаю, какъ сегодня, а вчера этотъ опытъ удался! — сказалъ Робертъ и, помолчавъ, продолжалъ торжественнымъ голосомъ:

— Эта рука принадлежала фараону Аби-стриксу XIII, мумія котораго находится у меня. Онъ жилъ болѣе, чѣмъ за 5,000 лѣтъ до Р. X. Этотъ фараонъ былъ извѣстенъ своей жестокостью. Онъ задушилъ, между прочимъ, вотъ этой самой рукой своего отца и свою мать.

Я съ ужасомъ смотрѣлъ на сухую руку муміи и на Роберта.

— Я оживлю еѣ вотъ этимъ составомъ!.. Составомъ, открытымъ мною, и рецептъ котораго знаю только одинъ я! Съ этими словами Робертъ высоко поднялъ къ лампѣ пузырекъ съ блѣдно-зеленаго цвѣта жидкостью. Лучи свѣта упали на нее и она засверкала изумруднымъ цвѣтомъ.

— Я вчера вспырнулъ слишкомъ мало, и рука едва шевелила пальцами. Сегодня я утрою порцію.

Съ этими словами Робертъ досталъ шприцъ, наполнилъ его своей таинственной жидкостью и осторожно ввелъ иглу шприца въ высохшую вену мертвой руки.

Прошло нѣсколько минутъ... Было тихо... Мы ждали... И вдругъ... мнѣ почудилось... Я почувствовалъ, что мои волосы поднимаются у меня на головѣ... рука муміи вздрогнула... что-то пробѣжало по ней. Она шевельнула пальцами. Мы молчали. Я хотѣлъ встать, подойди къ Роберту, пожать ему руку, поздравить съ этимъ величайшимъ открытіемъ, но вмѣсто того я откинулся на спинку кресла и не могъ свести глазъ съ этой чудомъ вызванной къ жизни руки...

Жизненная сила руки, между тѣмъ, возрастала. Рука скрючила сухіе пальцы... Попробовала на нихъ подняться... Поднялась... Нѣсколько колеблющихся невѣрныхъ движеній. Затѣмъ, послышалось шуршаніе бумаги и рука поползла по столу.

Ужасъ сковалъ меня на нѣсколько минутъ, да именно ужасъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то безотчетное брезгливое чувство овладѣвало мною. Ужасный, мерзкій паукъ ползъ по столу...

— Останови еѣ!.. Спрячь въ ящикъ,.. — задыхаясь, прошепталъ я.

Арнольдъ поднялся. Въ этотъ моментъ рука сдѣлала невѣрное движеніе и, сорвавшись, упала на полъ.

Черезъ секунду она уже ползла по полу... Сухіе крашеные ногти шуршали по паркету... Она двигалась все быстрѣе и быстрѣе... Силы еѣ, видимо, все росли. Она стала дѣлать прыжки... Сперва едва отдѣляясь отъ паркета, потомъ все выше и выше... Ужасное явленіе!..

Безумными глазами смотрѣлъ Робертъ на эту гадину, вызванную къ жизни его геніемъ. Онъ стоялъ молча, не спуская съ нее глазъ... Вмѣсто дыханія изъ его груди вырывался какой-то хрипъ... Мы молчали.

Вдругъ рука стала направляться къ Дойлю. Онъ невольно подался назадъ... Неровными прыжками, сухо стуча ногтями по паркету, рука муміи приближалась къ нему. Съ перекошеннымъ отъ ужаса лицомъ, съ дико-горящими глазами онъ все отступалъ. Прошло нѣсколько мгновений... Вдругъ Робертъ вскрикнулъ не своимъ голосомъ и захохоталъ... Боже, что это былъ за хохоть... Робертъ несомнѣнно сошелъ съ ума, мнѣ казалось, что я тоже начинаю самъ терять рассудокъ. Робертъ внезапно покачнулся, сдѣлалъ движеніе впередъ къ этой ужасной рукѣ... протянулъ свои руки... Бутылка съ таинственной зеленой жидкостью упала на полъ и разбилась... Нѣтъ словъ человѣческихъ передать состояніе моей души... Рука муміи подпрыгнула, вцѣпилась въ сюртукъ Дойля... Онъ снова захохоталъ. Рука судорожно впиалась въ плечо...

Моментъ— и тонкіе сухіе пальцы кисти съ силой сдавили горло Роберта. Его лицо помертвѣло... Глаза вылѣзли изъ орбитъ... Страшный хрипъ... Изъ открытаго рта высунулся распухшій языкъ... Робертъ безпомощно взмахнулъ руками и тяжело грохнулся на полъ...

Рука не отпускала его шеи, она продолжала сжимать эту шею съ какой-то, казалось, безумной злобой...

Но вдругъ пальцы расжались, рука стала медленно сползать съ трупа Роберга... бездыханнаго тѣла, лежавшаго передо мной... Рука сползла... замерла на минуту и вдругъ, подскакивая, ринулась на меня...

Я испустилъ нечеловѣческой крикъ... и, съ силой отчаянія упершись въ несгораемый шкафъ, опрокинулъ его. Раздался страшный грохотъ... Мнѣ казалось, что-то хрустнуло...

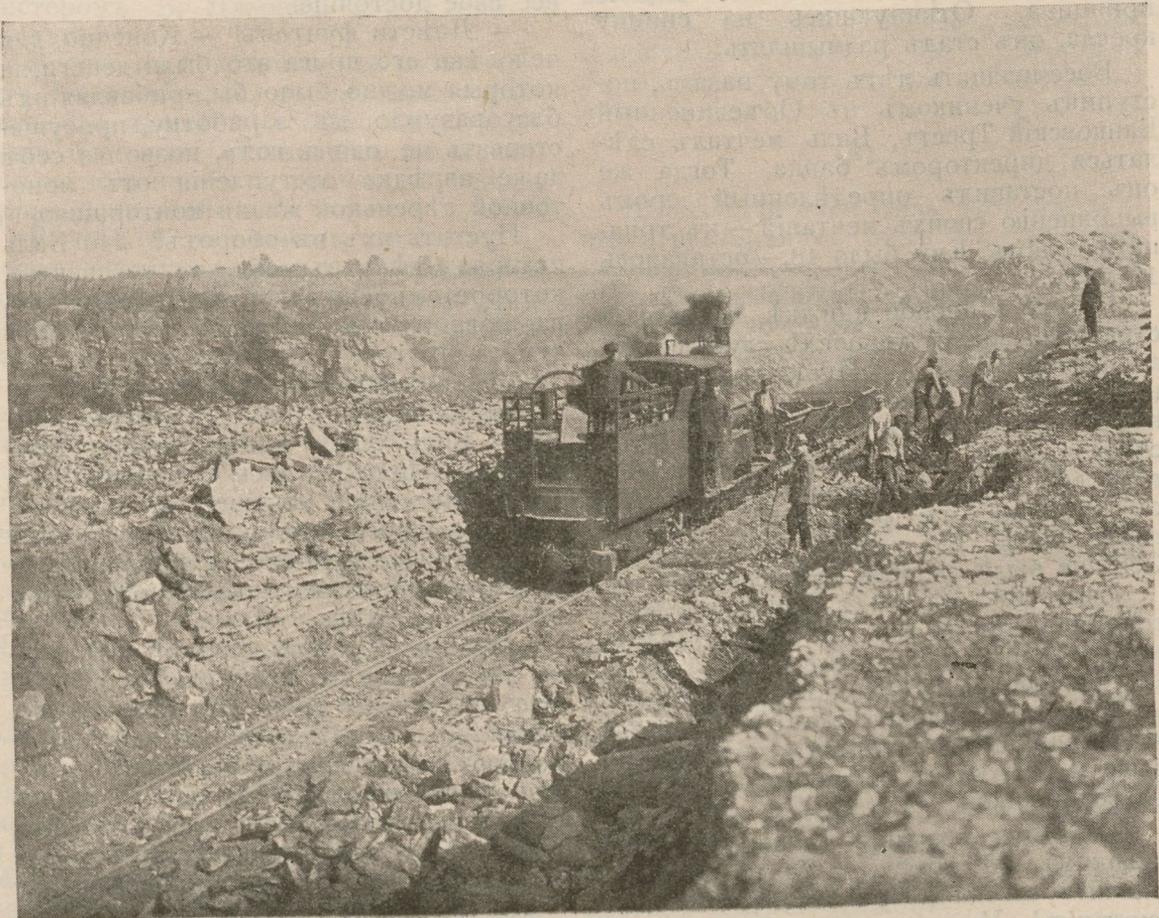
Я еще разъ вскрикнулъ и, какъ будто, потерялъ на мгновеніе сознаніе...

Я не помню, когда я позвонилъ.
Остальное вы знаете, господа.

Докторъ покачнулся. Его поддержали и усадили въ кресло.

Судьи многозначительно переглянулись и устремили взоры на эксперта.

Докторъ черезъ недѣлю скончался отъ нервной горячки въ психіатрической больницѣ, куда его отправили по постановленію суда.

Эмигранты на Кохтельскихъ сланцевыхъ разработкахъ.

13 дней Билля Джемсей.

Разсказъ Ник. Бухарскаго.

I.

— Бррр! Кончатъ жизнь самоубійствомъ въ тридцать лѣтъ, когда ротъ еще полонъ бѣлыхъ крѣпкихъ зубовъ, на головѣ густая шапка вьющихся волосъ, а въ сердцѣ жажда самой веселой, безпечной жизни, — по меньшей мѣрѣ, странно. Билль заглянулъ въ черный кружокъ дула и положилъ револьверъ на столъ. — Бррр! — И все это ради принципа. Откинувшись на спинку кресла, онъ сталъ размышлять.

Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, поступивъ ученикомъ въ Объединенный Банковскій Трестъ, Билль мечталъ сдѣлаться директоромъ банка. Тогда же онъ поставилъ опредѣленный срокъ выполнению своихъ мечтаній — къ тридцати годамъ. Ему было 18, — оставалось 12 лѣтъ.

Въ его записной книжкѣ, на первой страницѣ, сразу же послѣ глубоко философской мысли: — „Пунктуальность — неуваженіе къ самому себѣ“ — (Билль, по нѣкоторымъ френологическимъ даннымъ считалъ себя философомъ) было разграфлено 12 таинственныхъ квадратовъ, съ цифрами отъ 18 до 30. Каждый годъ одинъ изъ нихъ зачеркивался. Сегодня была очередь послѣдняго.

Увы! Все въ Биллѣ и вокругъ него говорило, что до выполнения поставленной задачи далеко. Двѣнадцать лѣтъ не привели ни къ чему. Билль до сегодня по прежнему продолжалъ скромнымъ конторщикомъ высчитывать чужіе прибыли и убытки въ громадныхъ книгахъ Объединеннаго Треста.

— Чортъ возьми! — Билль хлопнулъ кулакомъ по столу. — Чортъ возьми! Значитъ сегодня! Ну нѣтъ, мы еще посмотримъ! Умирать, такъ умирать съ трескомъ! Онъ вытащилъ записную

книжку съ незачеркнутымъ двѣнадцатымъ квадратомъ и сталъ что-то высчитывать.

Черезъ полчаса револьверъ полетѣлъ въ ящикъ стола, а въ итогѣ коротенькаго столбца цифръ красовалась выведенная ровнымъ бухгалтерскимъ почеркомъ сумма — 200 фунтовъ стерлинговъ. Это было то, что онъ могъ, въ лучшемъ случаѣ, собрать, ликвидируя все свое достояніе.

— Двѣсти фунтовъ! — Конечно, для человѣка его круга это были деньги, на которыя можно было бы, прибавляя ихъ благоразумно къ заработку, просуществовать не одинъ годъ, позволяя себѣ даже изрѣдка отступленія отъ монотонной сѣренькой жизни конторщика.

Пустить ихъ въ оборотъ? Но Билль потерялъ вѣру въ себя, въ то счастье, которое выносить своихъ избранныхъ на поверхность людского моря. Билль думалъ другое:

„Если вмѣсто того, чтобы тянуть свое существованіе при помощи этихъ „грошей“, — Билль былъ человѣкъ широкаго размаха, — прожить ихъ въ одинъ — два мѣсяца, или того меньше, то, послѣ такого сплошнаго праздника, черное дуло револьвера не будетъ уже абсурдомъ, а прямымъ слѣдствіемъ, конечной точкой его земного пути.

„Деньги дѣлаютъ деньги! Но деньги даютъ еще и кредитъ. — На 200 фунтовъ можно признаться столько же, а послѣ... не все ли равно что!“ Биллю, болѣе чѣмъ кому-либо, было безразлично, что будетъ послѣ него въ этомъ мѣрѣ, а двѣсти фунтовъ плюсъ кредитъ могутъ дать на пятнадцать дней самое роскошное, изысканное существованіе.

Къ послѣднему незачеркнутому квадрату на первой страницѣ записной книжки Билль придѣлалъ квадратикъ

поменьше и поставилъ въ него „15 д.“ — Первая и послѣдняя отсрочка.

Черезъ десять минутъ Биль былъ въ постели, погруженный въ сладкія грезы спокойнаго сна вернувшася къ жизни человѣка.

II.

Богатство дѣлаетъ людей заносчивыми. Биль поступилъ некорректно по отношенію къ своимъ работодателямъ, не явившись на слѣдующій день на службу и не предупредивъ даже о томъ, что не намѣренъ являться и впредь. Въ этомъ отношеніи учрежденія бывають вѣжливыѣ. Черезъ три дня Биль получилъ коротенькое извѣщеніе, что, къ глубокому сожалѣнію, Объединенный Трестъ не можетъ болѣе считать его въ числѣ своихъ служащихъ...

Черезъ два дня одно изъ лучшихъ помѣщеній отеля „Метрополь“ — было занято, какъ значилось въ книгѣ, — мистеромъ Б. Джемсей изъ Глазго — рантье.

Утопая въ глубокомъ кожаномъ креслѣ, Биль небрежно курилъ сигару, разглядывая кончики новыхъ лакированныхъ ботинокъ. Начиналась жизнь, которая должна была кончиться черезъ тринадцать дней.

Веселіе и развлечения требуютъ не менѣе другихъ жизненныхъ проявленій своей программы. Эту программу обдумывалъ Биль, смотрясь въ зеркальный лакъ своихъ ботинокъ.

Свѣженькій номеръ вечерней газеты помогалъ ему своими объявленіями о ночныхъ увеселеніяхъ.

Остановившись на „Олимпіа“, Биль позвонилъ и велѣлъ подать автомобиль. Большой залъ роскошнаго варьетэ сіялъ, наполненный трескучей музыкой модныхъ fox-trott'овъ. Шла вторая часть моднаго обзрѣнія, въ которомъ Миссъ Кэтъ и Миссъ Модъ оспаривали первенство въ красотѣ, изяществѣ и костюмѣ.

Маленькая хрупкая блондинка, въ блестящей паутинѣ затканаго тюля и кружевъ, — Модъ опредѣленно понравилась Билю больше. Онъ послалъ ей всѣ цвѣты, какіе могъ найти въ театрѣ, и въ антрактѣ прошелъ за кулисы. Модъ встрѣтила его граціозной улыбкой очаровательнаго ротика и маленькая холеная ручка отыскала въ широкой ладони Билиа ту таинственную кнопку,

отъ нажима на которую сердце пріятно зашепотало и чуть закружилась голова.

Какой-то молодой человѣкъ и двое солидныхъ джентльменовъ были уже въ уборной. Модъ ихъ познакомила.

— Я въ отчанин, мистеръ Джемсей, что не могу сегодня же раздѣлить ваше милое общество. Мои друзья, — она кивнула въ сторону джентльменовъ, — ведутъ уже меня сегодня куда-то ужинать, но я надѣюсь завтра...

— Позвольте, Модъ, — вмѣшался молодой человѣкъ, — мы ничего не имѣемъ противъ, если мистеръ Джемсей согласится провести съ нами вмѣстѣ сегодняшній вечеръ. — Оба джентльмена молчаливымъ поклономъ подтвердили свое согласіе.

Биль поблагодарилъ, онъ не отказывается отъ чести провести вечеръ въ такомъ пріятномъ обществѣ. Молодой человѣкъ своимъ прямымъ, веселымъ видомъ понравился ему съ перваго же взгляда.

Модъ, довольная, весело улыбнулась и просила оставить ее одну. Ей нужно было переодѣваться для слѣдующаго акта.

III.

Двѣнадцать дней Биль ѣлъ въ лучшихъ ресторанахъ, пилъ дорогія вина, курилъ великолѣпныя сигары, любилъ очаровательнѣйшихъ женщинъ и развѣзжалъ въ новенькомъ кричащемъ автомобиле по всѣмъ тѣмъ уголкамъ большаго города, гдѣ царить веселье, безопасность и развратъ.

Его можно было видѣть и въ первыхъ рядахъ модныхъ театровъ, на аэродромѣ, на скачкахъ, всюду, — до того, что за двѣ недѣли его фигура примелькалась, какъ завсегдатая, новаго представителя золотой молодежи.

Черезъ Джони Клиффорда, такъ звали молодого человѣка, съ которымъ онъ въ первый же вечеръ своей новой жизни познакомился у Модъ и съ которымъ у него сразу же установилась прочная дружба, Биль попалъ въ нѣсколько, закрытыхъ для него дотолѣ, богатыхъ и знатныхъ домовъ. У Клиффордовъ же онъ бывалъ запросто, занимаясь спортомъ съ Джони и его прелестной сестрой Дэзи.

Двѣнадцать дней пролетѣли со скоростью свѣта. На тринадцатый день

утромъ Биль выворотилъ свой бумажникъ на столъ. У него оставалось ровно столько, чтобы провести еще этотъ день, подобно предыдущимъ. Попутно попались бумажки съ записью долговъ,—они превышали втрое его основной капиталъ, отъ котораго сейчасъ оставалась тринадцатая часть.

Биль улыбнулся и швырнулъ бумажки подъ столъ. Нельзя было терять времени. У него въ распоряженіи оставалось не болѣе 14—16 часовъ...

Онъ провелъ день, какъ нельзя лучше. Проигралъ на бѣгахъ добрую половину того, что у него оставалось, побѣдалъ, заѣхалъ къ Модъ и пригласилъ ее на ужинъ, хотя заранѣе зналъ, что ужинать съ ней не будетъ. — Вообще на него напалъ бѣсъ дурачества. Онъ давалъ заказы на слѣдующій день. Покупалъ разныя вещи, платя чеками, которые никогда не будутъ оплачены. Изумлялъ нищихъ крупными подачками. Носился по всему городу, и наконецъ, проторчавъ до 11 часовъ въ театрѣ, поѣхалъ домой. Въ карманѣ оставалась лишь мелочь на чай швейцару. — Тринадцатый день былъ конченъ.

Биль умышленно не былъ сегодня у Клиффордъ. Почему? Онъ самъ точно не могъ отвѣтить. Вѣрнѣе всего потому, что отъ одного воспоминанія о голубыхъ глазкахъ Дэзи—хотѣлось, чтобы этотъ тринадцатый день никогда не наступалъ, а ужъ если ему суждено быть и кончиться, то кончался бы скорѣе...

Опять, какъ тогда двѣ недѣли тому назадъ, Биль сидѣлъ передъ столомъ съ револьверомъ въ рукѣ. Записная книжка съ зачеркнутымъ маленькимъ квадратомъ лежала передъ нимъ. Онъ положилъ ее въ карманъ. Стрѣлки часовъ медленно двигались къ 12-ти. Осталось, наконецъ, пять минутъ. Онъ закурилъ сигару. Три... двѣ минуты... Биль поднялъ револьверъ. Одна минута.. Дверь съ шумомъ распахнулась. Биль инстинктивно обернулся. Передъ нимъ стоялъ молодой Клиффордъ. Ловкимъ ударомъ кулака заправскаго боксера онъ сбросилъ ошарашеннаго Билиа на полъ и вырвалъ у него изъ рукъ револьверъ.

— Послушайте, Биль, вы меня извините за нѣсколько рѣзкое обращеніе. Но, что все это значитъ? Мы ждемъ

васъ цѣлый день. Дэзи очень обижена и взволнована вашимъ отсутствіемъ на устроенномъ ею маленькомъ торжествѣ, по случаю ея дня рожденія. Я звонилъ къ вамъ по телефону днемъ—безрезультатно, а десять минутъ тому назадъ мнѣ отвѣтили со станціи, что трубка у васъ снята съ аппарата. Тогда я рѣшилъ самъ пріѣхать къ вамъ и посмотреть, что съ вами стало, и, слава Богу, поспѣлъ во время. — Что значитъ эта трагедія, Биль? Отвѣчайте же!]

— Это значитъ, — простоналъ Биль, пытаюсь подняться, — это значитъ, что я разоренъ,—съ трудомъ вымолвилъ онъ наконецъ, садясь на коверъ и не зная по существу, что отвѣтить.

— Только то! — Джони залился веселымъ смѣхомъ.—И изъ за этого вы хотите отправиться на тотъ свѣтъ, не попросившись даже съ добрыми друзьями.— Ну, простите, мой милый, я васъ считалъ умнѣе. Сколько же вы потеряли? Да вставайте и садитесь сюда въ кресло. Давайте я вамъ помогу. Могу васъ успокоить, этотъ ударъ не опасенъ, онъ только оглушаетъ. Я выучился ему у знаменитаго Шарпантье.

— Ну говорите же, что у васъ осталось?

Биль безпомощно оглядѣлся. — Все, что вы видите на мнѣ и вокругъ меня, кромѣ обстановки.— Бумажникъ пусть.

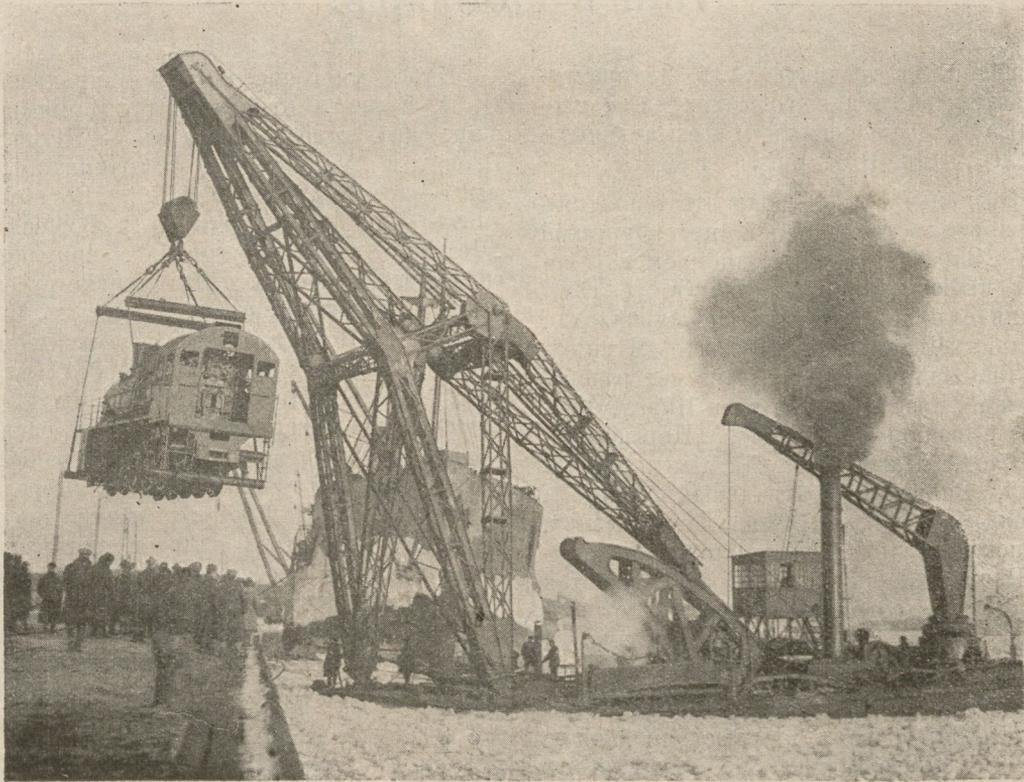
— Да! Основательно! — процѣдилъ Джони.— Вы вели слишкомъ расточительный образъ жизни, Биль! — Но все таки нехорошо забывать друзей.

— Я въ долгъ не возьму! — пробурчалъ Биль.

— Да я вамъ и не предлагаю! — отрѣзалъ Джони. — Я думаю, вы все таки могли бы работать? — проговорилъ онъ, послѣ минутнаго молчанія. — Васъ устроило бы фунтовъ двѣсти въ мѣсяцъ, на первое время?

Биль безжизненно мотнулъ головой.

— Олъ райтъ! — Клиффордъ взялъ телефонную трубку.—45-71! Алло! Алло! Стивенсъ—это вы? Это я, Клиффордъ. Что? — Джони Клиффордъ. Да.— Слушайте Стивенсъ у васъ еще свободно мѣсто второго Директора Соединенной Компаніи? Что?—Да.—Прекрасно, Стивенсъ! Я нашелъ вамъ чловѣка.—Что? Рѣшительный? — О да, удивительно рѣшительный,—онъ бросилъ ироническій

Выгрузка и погрузка паровозовъ въ Ревельской гавани, отправляемыхъ въ Россію.

взглядъ на Биль. — Хорошо? — Ну и великолѣпно! Сколько? Двѣсти и проценты! — Завтра, т. е. сегодня же, — засмѣялся онъ, взглянувъ на часы, — будетъ у васъ. — Спасибо, Стивенсъ, и покойной ночи. Онъ повѣсилъ трубку и галантно расшаркался передъ Билемъ.

— Поздравляю васъ! — Видите, какъ все это просто, господинъ Директоръ Соединенной Компаніи. — А теперь почиститесь и ѣдемъ скорѣе. У насъ балъ въ полномъ разгарѣ. — Дези велѣла привезти васъ живого или мертвого. Какъ видите, я предпочитаю первое.

Биль очнулся, какъ послѣ тяжелаго сна. Въ двѣ минуты совершилось то, чего онъ тщетно старался добиться двѣнадцать лѣтъ.

Онъ такъ стиснулъ руку Джони, что тотъ даже вскрикнулъ.

— Однако, Биль, у васъ бицепсы — первый сортъ!

Они уже направлялись къ двери, когда Биль остановился.

— Одну минутку Джони, — и онъ подошелъ къ письменному столу.

— Ну что тамъ еще! — проворчалъ Клиффордъ, видя, что Биль лезетъ въ карманъ.

— Не вздумайте начинать снова вашей комедіи, господинъ директоръ.

Но тотъ досталъ записную книжку и аккуратно стеръ резинкой проведенную имъ полчаса назадъ черту на послѣднемъ маленькомъ квадратѣ, а внизу вывелъ твердымъ почеркомъ: „Готово. — Директоръ Соединенной Компаніи“.

Третій разъ началась жизнь, теперь ужъ настоящая.

Ник. Бухарскій.

Нашъ юбиляръ.

Исполнилось двадцать лѣтъ литературной дѣятельности нашего сотрудника, члена союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей, Ник. Ник. Карпова.

Первыя печатныя строки его появились на страницахъ ежедневной петербургской газеты „Заря“, гдѣ онъ одновременно состоялъ и секретаремъ редакціи. Затѣмъ сотрудничалъ въ газетахъ и журналахъ: „Народная Читальня“, „Русское Чтеніе“, „Русскій Паломникъ“, „Елисаветградскія Новости“, „Казбекъ“, „Родная Нива“, „Родина“, „Звонарь“, „Слово“, „Царскосельское Дѣло“, „Царскосельская Мысль“, „Лепестки“, „Виленскій Театральный Курьеръ“, „Дачная Жизнь“, „Рампа и Жизнь“, „Мстивская Волна“, „Гатчина“, „Гатчинская Рѣчь“, „Приневскій Край“, работая въ области беллетристики, поэзіи, исторіи, русской старины, искусствъ, критики и театра.

Совмѣстно съ И. Н. Божетяновымъ, издавалъ и редактировалъ „Иллюстрированную Исторію Русскаго Театра XIX вѣка“, а съ А. Д. Григорьевымъ, — литературно-общественный журналъ „Пріоратъ“, Послѣ переворота состоялъ членомъ редакціоннаго комитета и ближайшимъ сотрудникомъ газеты „Гатчинская Рѣчь“.

Изъ многочисленныхъ произведеній Н. Н. Карпова отдѣльными изданіями вышли: два тома рассказовъ — „Штрихи и Блоки“ и „У цѣлебнаго источника“, „Рѣзны“ — томъ стихотвореній, „Погибъ талантъ“ — очеркъ памяти В. В. Верещагина, „Чеховъ и его творчество“, критико-біографическій очеркъ, „Въ древне-русскомъ стилѣ“ — былинная пѣснь и пьесы: „Мать“, „Нервы“, „Искуситель“, „Восемьсотсемидесятая“, „Необычайный пациентъ“, „Мужья — проказники“. Пьесы съ успѣхомъ шли на петроградскихъ и провинціальныхъ сценахъ.

Въ наши горестные дни эмиграціи, поглащенный заботами о добываніи средствъ къ жизни, Н. Н. Карповъ все же не оставляетъ и любимаго занятія литературой. Имъ написано за послѣдніе годы свыше ста пятидесяти стихотвореній на жгучія темы бѣженства и заканчивается большой трудъ „Замѣтки памяти“, изъ революціонныхъ переживаній.

Ревельскіе литературно-артистическіе круги предполагали почтить юбиляра постановкой въ Русскомъ театрѣ его четырехактной пьесы „Мать“, съ концертнымъ отдѣленіемъ, но подоспѣлъ конецъ театральнаго сезона и осуществленіе этого намѣренія пришлось отложить на осень.

Б. Савиновъ.

Театръ и Кино.

Къ гастролямъ В. П. Гайданова въ Эстоніи.

Съ успѣхомъ прошли гастроли малороссійской труппы В. П. Гайданова у насъ, въ Ревелѣ, и въ провинціи, въ Юрьевѣ, Нарвѣ, Печерахъ и другихъ мѣстахъ. Кому изъ насъ, русскихъ, неизвѣстны мелодичныя малороссійскія оперетки „Запорожець за Дунаемъ“, „Нагалка-Полтавка“ и др.

Труппа Гайданова снова у насъ.

Передъ своимъ турнэ по „заграницамъ“ В. П. Гайдановъ пріѣхалъ попроситься съ нами, ревельцами.

Его прощальныя гастроли въ Немме и Коппелѣ прошли съ большимъ подъемомъ:

И не удивительно:

Владиміръ Гайдановъ принадлежитъ къ старымъ испытаннымъ артистамъ.

Онъ въ своемъ родѣ — самородокъ, зародившійся въ глубинахъ театральнаго традиціи. Въ немъ чувствуется школа, пройденная имъ за кулисами театра и укрѣпленная самонаблюденіемъ и самоизученіемъ. Онъ хорошъ вездѣ и въ драмѣ и въ комедіи.

Будемъ надѣяться, что В. П. Гайдановъ передъ отъѣздомъ поставитъ еще рядъ украинскихъ пьесъ, какъ у насъ въ Ревелѣ, такъ и въ провинціи, и перенесетъ насъ хоть на мигъ на милую, старую Украину.

А. Б—бъ.

Къ гастролѣмъ В. П. Гайданова въ Эстоніи.

* * *

Въ издающемся въ г. Ригѣ журналѣ „Миръ“ № 4/5 помѣщена рецензія о постановкѣ на сценѣ Ревельскаго Русскаго театра трагедіи „Царь Θεодоръ“, которая по своему содержанію совершенно противоположна нашей рецензіи (см. „Эмигрантъ“ № 1).

Конечно, въ данномъ случаѣ редація журнала „Миръ“ всецѣло полагалась на добросовѣстность рецензента, къ которому вполне приложимы слова изъ афоризмовъ à la Кузьма Прутковъ: „Не въ мѣру усердствующій театральный рецензентъ плохому живописцу вывѣсокъ подобенъ, — зарабатываетъ мало, но размалевываетъ красочно и естественно“. Между прочимъ, была попытка помѣстить нѣчто подобное и въ нашемъ журналѣ „Эмигрантъ“, что, однако, было редакціей отклонено по причинѣ несоотвѣтствія съ дѣйствительностью и мнѣніемъ публики.

Имѣя въ виду, что Русскій театр въ Ревелѣ даетъ заработокъ артистамъ-эмигрантамъ, изъ которыхъ нѣкоторые раньше и вовсе не были профессионалами, мы вообще несклонны предъявлять строгія требованія къ ихъ игрѣ, ограничиваясь лишь полезными, съ нашей точки зрѣнія, указаніями для самихъ же артистовъ, поэтому и помѣщенную въ № 1

„Эмигрантъ“ рецензію о постановкѣ и исполненіи трагедіи „Царь Θεодоръ“ нужно признать еще очень и очень снисходительной, въ особенности въ отношеніи исполнителей главныхъ ролей.

„Пассаждъ“.

— „Карнавалъ“, драма съ участіемъ любимицы публики Ліа Мара, Э. Гофманъ, У. Римапъ и другихъ. „Перси и Фреди — няньки“, боевой американскій фарсъ съ участіемъ Перси и Фреди.

„Казино“.

— „Изгнаніе“, тяжелая жизненная драма въ 5 актахъ съ участіемъ А. Ниссенъ, Л. Мангеймъ и друг. „Миссъ Берилль“, драма съ участіемъ Ліа Мара, Э. Кайзеръ-Тицъ“ и др.

„Рекордъ“.

— Въ настоящее время закрытъ по случаю ремонта. Для открытія намѣчена долгожданная фильма: „Да здравствуетъ король“, съ участіемъ самаго маленькаго драматическаго артиста — Джэки Коганъ.

„Грандъ-Марина“.

— „Современная нимфа“, захватывающая драма въ 6 актахъ. „Жюло — Апашъ“, трюковая драма въ 7 частяхъ съ участіемъ Лучіано Альбертини.

Копилка курьезовъ.

Горячій начальникъ.

Военнымъ губернаторомъ въ Оренбургѣ въ 40-хъ годахъ XIX ст. былъ генералъ отъ инфантеріи Владиміръ Афанасьевичъ Обручевъ. Это былъ служака въ полномъ смыслѣ слова и вмѣстѣ съ тѣмъ предобрый человекъ, который любилъ распекать подчиненныхъ, но никому не дѣлалъ вреда по службѣ. Однажды В. А. Обручевъ жестоко распекъ офицера за то, что въ казармѣ дымила печь. Когда Обручевъ накричался вдосталь, то полковникъ, завѣдывавшій инженерною частью, доложилъ ему, что печь строилъ другой офицеръ, находившійся въ командировкѣ, въ степи. Тогда Обручевъ, обратившись къ офицеру, сказалъ ему въ утѣшеніе: „Ну, все равно, мой любезнѣйшій, это пригидится въ другой разъ“.

* * *

Въ одномъ обществѣ кто-то изъ пріятелей обратился къ Пушкину съ вопросомъ:

— Скажи, Пушкинъ, какое сходство между мной и солнцемъ?

— Огромное: ни на тебя, ни на солнце нельзя посмотреть, не поморщившись, — отвѣчалъ поэтъ.

Понялъ.

— Что очень высока колокольня Ивана Великаго?

— Да, порядочно.

— Умаляетъ людей?

— Очень. Да какъ-то разъ стоялъ на колокольнѣ губернаторъ, а кто смотрѣлъ на него снизу, думалъ, что это не больше, какъ околочный надзиратель.

Финансовый гений.

— А что, баронъ, у васъ здѣсь большой кругъ знакомства?

— Да, приблизительно, тысячь на пятьдесятъ.

Счастливецъ.

Молодой человекъ, имѣвшій очень высокое мнѣніе о своихъ, довольно ограниченныхъ талантахъ, выразился однажды въ обществѣ съ большимъ самодовольствомъ:

— Если мнѣ случается когда сказать какую-нибудь глупость, я всегда первый надъ ней смѣюсь.

— Счастливецъ,—сказалъ ему одинъ изъ присутствовавшихъ. — Какую-же вы должны, послѣ этого, вести развешенную жизнь!

Въ вагонѣ.

Онъ: Если бы я зналъ, что этотъ туннель будетъ такъ длиненъ, я бы тебя поцѣловалъ.

Она: Какъ! Такъ это значитъ былъ не ты.

— Алло! Соедините меня съ моей женой!

— Какой номеръ?

— Чортъ возьми! Не думаете ли Вы, что я турокъ, что имѣю женъ нумерованныхъ?!

Въ ночь съ 1-го на 2-ое августа исполняется 10 лѣтъ со дня начала міровой войны, поступившій по этому поводу матеріалъ, по техническимъ условіямъ, не вошелъ въ настоящій номеръ и будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ.

* * *

*Милые сестрицы и братцы,
Товарищи петроградцы!*

А вы правы были, когда меня пускать не хотѣли

*Вѣдь я, вмѣсто свадебной-то канители,
Сижусь сейчасъ въ Кіевскомъ Особомъ
Отдѣлѣ.*

*И обвиняютъ меня въ саботажѣ,
Бѣлогвардействѣ, бандитизмѣ и шпіонажѣ,*

*И, кажется, въ убійствѣ даже.
А также въ томъ, что я въ Польшу
бѣжать хотѣла,*

*И припутываютъ еще какое-то грязное
дѣло.*

*И говорятъ, что безъ спроса Кіевского
Особаго Отдѣла*

Я и въ Кіевѣ-то пріѣзжать не смѣла.

*И увѣряютъ меня въ томъ, что я —
„графская дочка“,*

*А потому для меня здѣсь приготовлена
одиночка...*

*Когда я въ эти свѣдѣнія получила,
То меня чуть холера не схватила.*

*А слѣдователь говоритъ, что если я во
всемъ этомъ признаюсь,*

*То я вашу участь смягчить постараюсь.
„Къ тому же и амнистія имѣетъ силу,
„И вы не сойдете въ безвременную мо-
гилу“...*

*И вотъ, получивши такое успокоеніе,
Препроводили меня въ тюремное отдѣленіе*

*И стала я изучать здѣшніе нравы:
По ночамъ дѣлаю облавы,
Бью „бѣлогвардейцевъ“, „анархистовъ“ и
жирныхъ „бандитовъ“.*

*Однимъ словомъ—истребляю паразитовъ.
Марина Зарубежная.*

Нравоученія или опыты жизни.

Афоризмы Андрея Климова.

— Когда идешь, не поднимай обѣихъ ногъ сразу—это вредно отражается на самомъ цвѣтущемъ здоровьѣ.

— Всякій климатъ — и даже ревельскій — былъ бы хорошъ, если его можно было бы закатать по вкусу.

— Надѣвъ красный галстукъ, можешь смѣло лобызать королевскую руку: тогда нѣтъ умяленія революціонной тактики и гордости.

Цѣлуя у дамы ручку, не тяни ее слишкомъ на себя,—можешь уронить даму и, слѣдовательно, быть виновникомъ ея паденія.

Измѣна любимой женщины—это спасательный кругъ для человѣка, тонущаго въ блаженствѣ любви.

— Умноженіе потомства, много легче умноженія знаний.

— На Эоловой арфѣ лучшему арфисту не сыграть простой гаммы.

— Убитый до смерти, никогда не оживаетъ.

— Если ты летишь съ 5-го этажа и успѣешь крикнуть, что бы подослали солому,—можешь остаться живымъ.

— Глупецъ! — знаешь ли ты какого калибра барабанная дробь?

— Ставь С. С. С. Р. и, потерявъ такимъ образомъ всѣ свои гласныя, Великая Россія оказалась безгласной въ мировомъ хорѣ.

— Сколько? Кому? — вотъ девизъ нашего вѣка.

— Чинить земной меридіанъ или красить луну столь же полезно и разумно, какъ искать смысла въ коммунизмѣ.

Письма въ редакцію.

М. Г. г. Редакторъ!

Не откажите дать мѣсто настоящему моему письму:

Все обостряющийся экономической кризисъ и съ каждымъ днемъ растущая трудность пріисканія заработка создали въ части здѣшней русской эмиграціи тревожное настроеніе.

Отдѣльными лицами и группами дѣлаются попытки разрѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ пребываніи въ Эстоніи въ особицу, неорганизованно, на свой страхъ и рискъ.

Идутъ записи въ конторахъ, вербующихъ мало освѣдомленныхъ и легковерныхъ для переселенія въ Бразилію, и были случаи, когда записавшіеся дѣлались жертвами грубаго обмана.

Въ цѣляхъ всесторонняго освѣщенія создавашагося положенія и нахождения наиболѣе удачнаго выхода изъ него, а также принятія мѣръ къ оживленію

дѣятельности въ этомъ направленіи Центрального Комитета Русскихъ Эмигрантовъ, представлялся бы крайне желательнымъ созывъ, въ возможно непродолжительномъ времени, собранія эмигрантовъ, о чемъ и ведутся въ настоящее время переговоры. О днѣ собранія будетъ сообщено особо.

Александръ Чернявскій.

М. Г. г. Редакторъ!

Когда я просилъ Васъ помѣстить письмо мое, напечатанное въ № 2 „Эмигранта“, я имѣлъ въ виду, что вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ помѣщена и резолюція протеста по поводу дѣйствій г. Проникова, воспрепятствовавшаго артистамъ Кусковскому и Рахматову выступить на національномъ вечерѣ въ Коппелѣ 25-го февраля с.г. Эта резолюція, вынесенная всѣми присутствовавшими на вечерѣ, мною, по уполномочію подписавшихъ ее, была лично передана въ свое время редакціи „Послѣднихъ Извѣстій“. Мнѣ было дано обѣщаніе помѣстить ее въ ближайшемъ № газеты.

Несмотря на дальнѣйшія мои напоминанія, она не была ни помѣщена, ни возвращена мнѣ обратно, хотя я просилъ объ томъ. Между тѣмъ, письмо имѣло бы желаемое значеніе, лишь въ случаѣ помѣщенія рядомъ съ нимъ упомянутой резолюціи протеста, а т. к. я ее, по изложеннымъ выше причинамъ, не имѣю, то покорнѣйше прошу Васъ помѣстить настоящее мое письмо.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Б. Энгельгардъ.

Р. С. Давая мѣсто настоящему письму г. Энгельгардъ, Редакція, съ своей стороны полагаетъ, что запрещеніе участвовать въ національномъ вечерѣ въ Коппелѣ артистамъ г.г. Кусковскому и Рахматову является простымъ недоразумѣніемъ, т. к., врядъ-ли, порядочный русский человѣкъ могъ сдѣлать предумышленно такое распоряженіе.

Слѣдующій номеръ журнала „Эмигрантъ“ выйдетъ 15 августа и въ дальнѣйшемъ журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяць—1 и 15 числа.

Возвращеніе Тарзана.

Романъ Э. Бюроуза. Переводъ Э. М.
Продолженіе.

Тарзана интересовало, что общаго могли имѣть между собой эти люди и о чемъ, собственно, они говорили. Чувствовалась какая-то интимность между обоими мужчинами и скрытой подъ вуалью дамой. Онъ не могъ разглядѣть ея лица. Единственно, что онъ замѣтилъ, это — оригинальное кольцо на ея рукѣ, схваченной Роковымъ. По этой примѣтѣ Тарзанъ рассчитывалъ узнать, кто эта преслѣдуемая Роковымъ дама, и можетъ-ли тотъ въ дальнѣйшемъ еще причинять ей непріятности.

Тарзанъ отыскалъ стулъ и сѣлъ на него, размышляя о человѣческой жестокости, эгоизмѣ и злобѣ, свидѣтелемъ которыхъ сдѣлала его судьба съ того дня, какъ 4 года тому назадъ онъ впервые увидѣлъ въ джунгляхъ человѣческое существо, чернаго Кулонгу, копые котораго пресѣкло молодую жизнь большой обезьяны — самки, Калы, лишивъ его, — Тарзана, единственной матери, которую онъ когда-либо зналъ. Онъ вспомнилъ предательское убійство Кинга Снайпсомъ; вспомнилъ, какъ возставшіе матросы покинули профессора Портера и его спутниковъ; вспомнилъ жестокость чернокожихъ солдатъ и женщинъ племени Мбонги, проявленную ими къ плѣнникамъ; вспомнилъ, наконецъ, мелочную зависть чиновниковъ и офицеровъ въ колоніяхъ западныхъ береговъ Африки, гдѣ онъ началъ свое знакомство съ цивилизованнымъ міромъ.

„Боже мой, — сказалъ онъ себѣ, — они всѣ одинаковы, всѣ обманываютъ, борятся и все это изъ-за денегъ, чтобы доставить себѣ эфемерныя удовольствія. Кромѣ того, они связали себя глупыми обычаями, дѣлающими людей рабами, хотя они воображаютъ себя вѣнцомъ творенія. Странный міръ, глупый міръ.“ И, въ заключеніе, Тарзанъ счелъ себя глупцомъ, что изъ-за этого міра онъ оставилъ свободу и счастье въ джунгляхъ.

Вдругъ, онъ почувствовалъ, что на него смотрятъ сзади. Мгновенно въ немъ пробудился инстинктъ хищнаго звѣря, скрытый лишь легкимъ налетомъ

цивилизациі. Стремительно обернувшись, Тарзанъ встрѣтился взглядомъ съ молодой дамой, которая въ смущеніи опустила глаза, причемъ яркій румянецъ залилъ ее сконфуженное лицо.

Когда она вскорѣ встала, собираясь уходить, онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, желая узнать, кто она. Отчасти любопытство его было удовлетворено, т. к. уходя, она подняла руку, чтобы поправить свои черные густые волосы, — жестъ, свойственный всѣмъ женщинамъ, замѣтившимъ устемленный на нихъ, оцѣнивающей взглядъ, и на ея пальцѣ Тарзанъ увидѣлъ интересовавшее его кольцо.

И такъ это была прекрасная молодая русская, которую преслѣдовалъ Роковъ. Что могло быть общаго у нея съ грубымъ Роковымъ?

Послѣ обѣда и до сумерокъ Тарзанъ прогуливался по палубамъ со вторымъ офицеромъ. Когда же послѣдній покинулъ его, чтобы вернуться къ своимъ обязанностямъ, Тарзанъ подошелъ къ периламъ и началъ любоваться игрой лунныхъ лучей на водѣ. Онъ былъ наполовину скрытъ шлюпбалкой, почему оказался незамѣченнымъ двумя шедшими по палубѣ мужчинами. Вдругъ до слуха Тарзана долетѣли слова:

„Если она закричитъ, ты долженъ зажать ей ротъ, пока...“

По голосу нетрудно было узнать Рокова.

Этого было достаточно, чтобы въ Тарзанѣ проснулась страсть къ приключеніямъ. Не упуская изъ виду Рокова и его спутника, которымъ былъ Павловичъ, Тарзанъ послѣдовалъ за ними до курительной комнаты. Они, однако, лишь заглянули въ нее, очевидно для того, чтобы убѣдиться, что интересующее ихъ лицо находится тамъ. Отсюда авантюристы направились въ каюты перваго класса на верхней палубѣ. Здѣсь Тарзану было труднѣе остаться незамѣченнымъ, но все же это ему удалось. Когда они остановились передъ одной изъ каютъ, Тар-

занъ укрылся въ тѣни корридора, шагахъ въ 12 отъ нихъ.

На стукъ въ дверь послѣдовалъ женскій голосъ.

„Кто тамъ?!“

„Это я—Николай. Могу ли я войти, Ольга?“

„Почему ты, Николай, не оставляешь своихъ преслѣдованій? Вѣдь я тебѣ, кажется, никогда ничего плохого не сдѣлала.“

„Полно, Ольга, я только хочу обмѣняться съ тобой нѣсколькими словами. Я ничего тебѣ дурного не причиню, даже не войду въ каюту, но не могу же я разговаривать съ тобой черезъ дверь.“

Послышался звукъ отодвигаемой задвижки. Тарзанъ вышелъ изъ своего убѣжища настолько, чтобы видѣть, что произойдетъ дальше, и, въ случаѣ необходимости, придти на помощь.

Дверь отворилась, и Роковъ наповину вошелъ въ каюту. Сперва былъ слышенъ шопотъ Рокова, потомъ раздался голосъ дамы, пониженный, но достаточно громкій, чтобы Тарзанъ могъ разобрать ея слова.

„Нѣтъ, Николай, это бесполезно! Гроби сколько хочешь, но я никогда не исполню твоихъ требованій. Уйди, пожалуйста, изъ моей каюты. Ты не имѣешь права находиться здѣсь, вѣдь ты обѣщаль не входить!“

„Прекрасно, Ольга, я не войду, но ты пожалѣешь, что не хочешь исполнить мою просьбу. Въ концѣ концовъ, я достигну своей цѣли, хотя ты могла бы облегчить мнѣ эту задачу и ускорить дѣло, а также спасти отъ позора себя и своего мужа.“

„Никогда и ни за что!“ прервала его молодая женщина.

Въ этотъ моментъ Тарзанъ увидѣлъ, какъ Роковъ обернулся и сдѣлалъ знакъ Павловичу. Послѣдній быстро проскочилъ въ каюту, заперевъ за собою изнутри на задвижку дверь.

Роковъ остался стоять передъ дверью, на губахъ его играла отвратительная улыбка. Тарзанъ услышалъ далѣе, какъ дама потребовала, чтобы Павловичъ медленно оставилъ каюту.

„Я пошлю за мужемъ, онъ не попадетъ васъ!“

„За вашимъ мужемъ пойдутъ, сударыня“, насмѣшливо отвѣтилъ Павловичъ.

„Офицеръ уже увѣдомленъ, что съ вами въ запертой каютѣ находится посторонній.“

Конечно, вашъ супругъ узнаетъ все, а по прибытіи нашемъ, объ этомъ пикантномъ происшествіи будетъ сообщено и репортерамъ. Для общества вы безинтересно будете прочесть, что соперникомъ графа де Кудъ оказался лакей вашего брата“.

„Павловичъ, — раздался опять голосъ молодой женщины, холодный и безстрашный, — вы негодный трусъ, и, если я назову вамъ одно имя, вы, надѣюсь, не осмѣлитесь никогда болѣе меня беспокоить“.

Одно мгновеніе длилась тишина, очевидно графиня шопотомъ называла имя. Потомъ раздалось проклятіе Павловича, шарканіе ногъ, женскій крикъ.

Тарзанъ ринулся впередъ. Роковъ хотѣлъ бѣжать, но Тарзанъ схватилъ его за воротъ. Никто изъ нихъ не произнесъ ни звука, однако, оба подозревали, что въ каютѣ совершается убійство. Тарзанъ чувствовалъ, что убійство не входитъ въ планы Рокова. Сохраняя молчаніе, онъ высадилъ плечомъ дверь и вошелъ въ каюту, таща за собой Рокова. На диванѣ лежала молодая дама, безуспѣшно старавшаяся освободить свое горло изъ рукъ Павловича. Шумъ выбитой двери заставилъ послѣдняго бросить свою жертву. Молодая женщина съ трудомъ приподнялась и сѣла, прижимая одну руку къ горлу и прерывисто дыша. Несмотря на страшную блѣдность и растрепанную прическу, Тарзанъ узналъ въ ней смотрѣвшую на него на палубѣ даму.

„Что это означаетъ?“ обратился онъ къ Рокову, въ которомъ предполагалъ главнаго инициатора всего происшедшаго. Тотъ мрачно молчалъ.

„Позвоните, пожалуйста! — продолжалъ Тарзанъ, — надо пригласить одного изъ офицеровъ парохода, т. к. дѣло зашло слишкомъ далеко“.

„Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не дѣлайте этого!“ быстро вскочивъ, воскликнула молодая женщина. „Я увѣрена, что не было намѣренія причинить мнѣ серьезный вредъ. Я разсердила этого человѣка, и онъ потерялъ самообладаніе. Вотъ и все. Я не желаю дѣлать изъ этого исторіи“. Голосъ ея звучалъ такъ просяще, что Тарзанъ не могъ

настаивать, хотя разумъ подсказывалъ ему обратное.

„Итакъ, вы желаете, чтобы я ничего не предпринималъ?“ спросилъ онъ.

„Да, пожалуйста!“

„Слѣдовательно, вы хотите, чтобы эти два негодяя продолжали васъ и въ дальнѣйшемъ преслѣдовать?“

Она затруднилась съ отвѣтомъ, а по торжествующей улыбкѣ Рокова Тарзанъ заключилъ, что молодая дама, очевидно, опасалась этихъ негодяевъ и не рѣшалась высказать при нихъ свое истинное желаніе.

„Тогда я буду дѣйствовать на свой страхъ и рискъ. Что-же касается васъ и вашего сообщника,—обратился онъ къ Рокову,—то предупреждаю васъ, что съ этого момента и до конца путешествія я не упушу васъ изъ виду, и вы мнѣ отвѣтите, если я узнаю, что вы какимъ бы то ни было образомъ обезпокоили эту даму“. И пинкомъ ноги Тарзанъ, поочередно, вышвырнулъ изъ каюты Рокова и Павловича. Затѣмъ онъ любезно обернулся къ дамѣ, смотрѣвшей на него широко открытыми глазами:

„Вы, сударыня, весьма обяжете меня, если немедленно дадите мнѣ знать, въ случаѣ новыхъ попытокъ со стороны этихъ негодяевъ шантажировать васъ“.

„Я боюсь,—отвѣтила она,—какъ бы вы не пострадали за оказанную мнѣ помощь. Вы должны быть очень и очень осторожны. Моя просьба не звать офицера не должна заставить васъ сомнѣваться въ моей благодарности за вашу смѣлую, рыцарскую защиту“. И съ граціозной улыбкой, открывшей рядъ великолѣпныхъ зубовъ, она, въ знакъ прощанія, наклонила голову.

Пожелавъ графинѣ спокойной ночи, Тарзанъ вышелъ на палубу. Его очень удивляло ея нежеланіе выдать властямъ Рокова и Павловича. До того, какъ пойти къ себѣ, онъ не разъ мысленно возвращался къ интересной незнакомкѣ, съ которой такъ странно столкнула его судьба.

Лишь въ послѣдній день пути, послѣ обѣда, Тарзанъ опять встрѣтилъ ее. Она привѣтствовала его ласковой улыбкой и почти тотчасъ-же заговорила о происшествіи въ каютѣ.

Повидимому, ея озабачивала мысль, что Тарзанъ можетъ истолковать ея

знакомство съ Роковымъ въ дурную сторону.

„Я надѣюсь, что вы не осуждаете меня за несчастное происшествіе во вторникъ вечеромъ“, сказала она. „Я много уже перестрадала изъ-за него, и сегодня въ первый разъ рѣшилась покинуть свою каюту“

„Никто не судитъ о лани по атакующимъ ее львамъ“, отвѣтилъ Тарзанъ. „Я видѣлъ обоихъ негодяевъ за „работой“ въ курительной комнатѣ за день до нападенія на васъ и, зная, такимъ образомъ, ихъ приемы, не сомнѣваюсь въ ихъ мести. Люди такого сорта склонны лишь ко злу, ненавидя все благородное и хорошее“.

„Такое заключеніе очень любезно съ вашей стороны, я уже слышала объ инцидентѣ въ курительной комнатѣ. Мужъ мнѣ рассказалъ все, подчеркнувъ при этомъ силу и отвагу г-на Тарзана, въ долгу у котораго онъ себя считаетъ“.

„Тотъ фактъ, что я оказалъ услугу женѣ графа де Кудъ, вполне вознаграждаетъ меня за все“.

„Боже мой, я такъ обязана вамъ, что не знаю даже, какъ отблагодарить“.

При этомъ графиня такъ прелестно улыбнулась, что Тарзанъ подумалъ, что ради такой улыбки можно совершить гораздо больше, нежели сдѣлалъ онъ.

Въ этотъ день онъ ея больше не видѣлъ, а на другой, въ сутолокѣ высадки, и подавно. Но выраженіе ея глазъ въ моментъ разставанія накануне не давало ему покоя. Взглядъ ея былъ полонъ тоски, когда она говорила о странности короткой дружбы, завязываемой въ пути, и о легкости, съ которой она прекращается.

Тарзану мучительно хотѣлось узнать, увидитъ ли онъ еще когда-нибудь прелестную графиню.

Глава III.

Что случилось на улицѣ Моль?

По прибытіи въ Парижъ, Тарзанъ прямо отправился къ своему старому другу, лейтенанту морской службы Д'Арно.

Пріятель порядкомъ побранилъ его за рѣшеніе отказаться отъ титула и имѣнія, принадлежавшихъ ему, какъ наслѣднику Джона Клейтона, лорда Грейстокъ.

„Ты, должно быть, сошелъ съума,—говорилъ Д'Арно, — что такъ легко отказался не только отъ богатства, но и отъ возможности доказать всему свѣту, что въ твоихъ жилахъ течетъ благородная кровь двухъ самыхъ знатныхъ фамилій Англій, а не кровь дикой самки-обезьяны. Невѣроятно, что они повѣрили тебѣ, въ особенности, миссъ Портеръ. Я лично никогда этого не допускалъ, даже тогда, когда въ глубинахъ африканскихъ джунглей ты разрывалъ зубами, какъ дикое животное, сырое мясо своей добычи. Даже тогда, когда не было ни малѣйшаго доказательства противнаго, я зналъ, что ты ошибался, считая Калу своей матерью. А теперь, имѣя въ рукахъ дневникъ твоего отца, въ которомъ онъ рассказываетъ о своихъ приключеніяхъ, о твоей матери и объ ужасной жизни, которую имъ пришлось вести на Африканскомъ берегу, имѣя, кромѣ того, еще болѣе важное — оттиски твоихъ дѣтскихъ пальчиковъ на страницахъ этого дневника, мнѣ не вѣрится, что ты, при такихъ доказательствахъ твоего происхожденія, намѣреваешься остаться бродягой, безъ имени и средствъ“.

„Я не желаю себѣ имени иного, чѣмъ мое теперешнее“, возразилъ Тарзанъ. „Твое же опасеніе видѣть меня неизвѣстнымъ бродягой и нищимъ неосновательно, я вовсе не собираюсь имъ быть. Ближайшей и, надѣюсь, послѣдней дружеской услугой съ твоей стороны будетъ содѣйствовать мнѣ въ помыслии какого-нибудь дѣла“.

„О“, — съ горечью произнесъ Д'Арно, — „ты прекрасно понимаешь, что я подраумѣвалъ не это! Не я ли разъ двадцать, по крайней мѣрѣ, говорилъ тебѣ, что у меня достаточно средствъ для дюжины людей и что половина моего имущества принадлежитъ тебѣ. И если я отдамъ тебѣ даже все, развѣ этого достаточно, чтобы отблагодарить тебя за оказанныя мнѣ услуги. Я вѣдь не забылъ, что, благодаря только твоей отвагѣ, я не погибъ на кострѣ каннибаловъ, и, лишь вслѣдствіи твоего самопожертвованія, излѣчился отъ ужасныхъ ранъ, нанесенныхъ мнѣ дикарями. Позже, когда мы, наконецъ, отправились къ хижинѣ и не нашли миссъ Портеръ и ея спутниковъ, я понялъ, что для тебя стоило оставаться со мной въ обезъ-

яньемъ царствѣ, въ то время, какъ тебя такъ тянуло на берегъ, что ты для меня сдѣлалъ и чѣмъ жертвовалъ для совершенно посторонняго для тебя человѣка. Я не собираюсь отблагодарить тебя деньгами, Тарзанъ, но дѣло въ томъ, что сейчасъ ты въ нихъ нуждаешься и ты не въ правѣ отказаться отъ моей помощи, если только не желаешь меня жестоко оскорбить“.

„Прекрасно!“ — разсмѣялся Тарзанъ, „не будемъ ссориться изъ-за денегъ. Я долженъ жить, и для этого онѣ, разумѣется, мнѣ нужны, но все же я хотѣлъ бы чѣмъ-нибудь заняться. Ты не можешь ярче доказать мнѣ свою дружбу, какъ найдя для меня дѣло, иначе я умру отъ тоски. Что же касается правъ моего первородства, то онѣ въ хорошихъ рукахъ. Клэйтонъ ничего не отнял отъ меня и онъ искренне вѣритъ, что онъ дѣйствительно лордъ Грэйстокъ. Въ этой роли Клэйтонъ болѣе на мѣстѣ, чѣмъ я, родившійся и выросшій въ Африканскихъ джунгляхъ. Ты вѣдь знаешь, что даже теперь я только на половину культурный человѣкъ. Взгляни, наприкладъ, на меня въ минуту гнѣва: тогда всѣ инстинкты дикаго звѣря, какимъ я въ дѣйствительности еще остался, берутъ верхъ надъ болѣе мягкими манерами, привитыми культурой. Кромѣ того, я разсудилъ, что лишу любимую женщину богатства и положенія, которая теперь будутъ ей принадлежать въ бракѣ съ Клэйтономъ. Ты согласенъ, Павелъ, что я не могъ поступить иначе? Происхождение не играетъ для меня большой роли, — продолжалъ Тарзанъ, не выждавъ отвѣта, — и я считаю Калу своей матерью въ такой же степени, какъ и ту англичанку, которая умерла черезъ годъ послѣ моего рожденія“.

Кала кормила меня своей грудью со дня смерти моей матери. Она защищала меня отъ дикихъ обитателей лѣса и обезьянъ ея рода съ яростью настоящей материнской любви. Я, въ свою очередь, любилъ ее, не подозрѣвая даже всей силы моей привязанности. Когда копы и отравленные стрѣлы чернокожаго воина изъ племени Мбонги отняли ее отъ меня, я бросился на ея мертвое тѣло, орошая его слезами, какъ это дѣлаютъ дѣти, потерявшіе родную мать. Тебѣ, мой другъ, Кала показа-

лась бы отвратительнымъ и страшнымъ животнымъ, но для меня она была прекрасна: такъ любовь мѣняетъ взглядъ. И я вполне доволенъ перспективой остаться навсегда въ глазахъ людей сыномъ Калы“.

„Съ своей стороны, могу сказать, что я еще болѣе преклоняюсь передъ тобой, Тарзанъ, за твою преданность, — произнесъ Д'Арно, — но придетъ время, когда ты захочешь предъявить свои права. И дай Богъ, чтобы и тогда тебѣ было также легко доказать ихъ, какъ теперь. Не забывай, что профессоръ Портеръ и мистеръ Филандеръ—единственные свидѣтели, которые могутъ подтвердить подъ присягой, что маленькій скелетъ, найденный въ хижинѣ вмѣстѣ съ скелетами твоихъ родителей, принадлежалъ человѣкоподобной обезьянѣ, а не ребенку лорда и лэди Грэйстокъ. Но они оба уже старики и могутъ умереть въ ближайшемъ будущемъ. Кроме того, неужели тебѣ не приходила мысль, что миссъ Портеръ разошлась бы съ Клэйтономъ, если бы знала правду. Ты легко можешь вернуть себѣ титулъ, состояніе и любимую женщину. Ты никогда не думалъ объ этомъ, Тарзанъ?“

Тарзанъ отрицательно покачалъ головой:

„Ты ея совсѣмъ не знаешь: — всякое несчастіе, случившееся съ Клэйтономъ, сдѣлаетъ ее только еще болѣе вѣрной данному слову. Она, вѣдь, родомъ изъ южной Америки, а тамошніе жители гордятся своей преданностью“.

Въ теченіи послѣдующихъ двухъ недѣль Тарзанъ усиленно ознакомился съ жизнью Парижа. Посѣщалъ музеи, картинныя галереи, библіотеки. Открывшіяся передъ нимъ въ этомъ центрѣ культуры и науки громадныя перспективы подавляли его своей грандіозностью. Чувствуя недостатокъ своего образованія, Тарзанъ сдѣлался усерднымъ читателемъ, изучая все, что было ему доступно. Вечера посвящались отдыху и развлечениямъ, при чемъ ночной Парижъ оказался для него чрезвычайно полезнымъ, въ смыслѣ разныхъ наблюдений.

Если онъ курилъ или слишкомъ много пилъ абсента, то потому, что старался во всемъ подражать своимъ братьямъ, считая ихъ болѣе культурными.

Жизнь казалась ему новой и заманчивой, но въ душѣ онъ тайлъ заботу и тоску, зная, что никогда не избавится отъ нихъ. Въ самообразованіи и развлеченияхъ, этихъ двухъ противоположностяхъ, Тарзанъ искалъ забвенія прошлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ возможность не думать о своемъ полномъ неизвѣстности будущемъ.

Однажды, вечеромъ, онъ сидѣлъ въ концертномъ залѣ одного моднаго кафе и, потягивая абсентъ, любовался искусствомъ знаменитой русской танцовщицы. Вниманіе Тарзана было внезапно отвлечено мимолетнымъ взглядомъ черныхъ злыхъ глазъ, обладатель которыхъ поспѣшилъ ступешаться въ толпѣ. Тарзану казалось, что онъ видѣлъ гдѣ-то эти глаза.

Весь вечеръ онъ испытывалъ неприятное ощущеніе, точно за нимъ кто-то слѣдитъ. Однако, ко времени своего ухода онъ успѣлъ забыть объ этомъ и не замѣтилъ, что за нимъ послѣдовалъ черномазый субъектъ, скрывавшійся въ тѣни противоположнаго дома.

Обыкновенно Тарзанъ бывалъ всюду съ Д'Арно, но сегодня послѣдній отправился въ другое мѣсто. Когда Тарзанъ пошелъ своей всегдашней дорогой по улицѣ Моль, слѣдовавшей за нимъ субъектъ пересѣкъ улицу и поспѣшилъ впередъ.

Улица Моль нравилась Тарзану своимъ спокойствіемъ и тишиной и болѣе напоминала ему любимыя Африканскія джунгли, чѣмъ другія, ярко освѣщенныя, шумныя улицы.

Если вамъ знакомъ Парижъ, вспомните противный, узкій кварталъ улицы Моль; если же вы въ Парижѣ впервые, то спросите полицмана, онъ скажетъ вамъ, что во всемъ Парижѣ нѣтъ мѣста, котораго съ наступленіемъ темноты слѣдовало бы болѣе избѣгать...

Едва Тарзанъ успѣлъ пройти небольшое разстояніе, какъ услышалъ крики о помощи, доносившіеся изъ третьяго этажа дома на другой сторонѣ. Это былъ женскій голосъ, и Тарзанъ поспѣшилъ на помощь. Вбѣжавъ по лѣсницѣ на третій этажъ, онъ прошелъ длинный корридоръ и увидѣлъ широко открытую дверь, откуда опять раздался крикъ.

Въ слѣдующій моментъ онъ оказался уже въ тускло освѣщенной комнатѣ. На высококомъ старомодномъ каминѣ горѣла лампа. Въ комнатѣ была одна женщина и человекъ 10 мужчинъ. Женщинѣ на видъ было лѣтъ 30, но лицо ея носило слѣды страстей и разгула. Одну руку она прижимала къ горлу, а другой опиралась о стѣну.

„Помогите! — обратилась она къ вошедшему Тарзану, — они хотятъ меня убить“.

Тарзанъ взглянулъ на находившихся въ комнатѣ мужчинъ и увидѣлъ самыя преступныя лица. Движеніе за спиной заставило его быстро обернуться. Въ комнату на ципочкахъ прокрадывались два человекъ, первымъ былъ верзила съ большой дубиной въ рукѣ, а во второмъ Тарзанъ легко узналъ Рокова.

Какъ бы по данному сигналу, вся эта компанія бросилась на Тарзана. Одни имѣли ножи, другіе схватили стулья, а предводитель поднялъ дубину, ударъ которой навѣрное раздробилъ бы голову Тарзану, если бы пришелся по ней. Но умъ, ловкость и мускулы, мѣрившіеся въ джунгляхъ съ силой Теркоца и Нумы, не такъ-то легко поддались этимъ парижскимъ апашамъ.

Выборъ Тарзана палъ на самага сильнаго противника, — парня съ дубиной.

Уклонившись отъ удара, Тарзанъ изо всей силы ударилъ его въ подбородокъ. Справившись съ однимъ, онъ принялся за другихъ. Это былъ своего рода спортъ: борьба и видъ ея всегда доставляли Тарзану удовольствіе.

Цивилизація исчезла, какъ легкій налетъ, и 10 бандитовъ очутились въ небольшой комнатѣ съ дикимъ и хищнымъ звѣремъ, со стальными мускулами котораго они не могли сравняться въ силѣ. Въ корридорѣ, снаружи, стоялъ Роковъ, выжидая результата. Прежде, чѣмъ уйти, онъ хотѣлъ убѣдиться, что Тарзанъ мертвъ, но въ его намѣренія не входило, однако, пребываніе въ комнатѣ въ моментъ совершенія убійства. Женщина не двинулась съ своего мѣста, но выраженіе ея лица мѣнялось нѣсколько разъ въ теченіи этихъ немногихъ минутъ. Выраженіе отчаянія, замѣченное Тарзаномъ при приходѣ, смѣнилось выраженіемъ хитрости, когда она увидѣла, какъ Тарзанъ обернулся,

чтобы предупредить нападеніе сзади. Затѣмъ, на лицѣ ея отразилось удивленіе и, наконецъ, ужасъ. И кто-бы не удивился! Въдъ безупречный джентельменъ, котораго ея крики привлекли сюда, гдѣ онъ долженъ былъ найти смерть, внезапно превратился въ демона мести. Въмсто мягкихъ мускуловъ и слабago сопротивленія, ея глазамъ представился настоящій Геркулесъ, лишившійся ума.

„Боже мой, да это настоящій звѣрь!“ вскричала она, увидѣвъ, какъ крѣпкіе, бѣлые зубы Тарзана впились въ горло одного изъ нападавшихъ.

И дѣйствительно, Тарзанъ примѣнялъ тѣ приемы, которымъ научила его жизнь въ джунгляхъ. Подобно пантерѣ носился онъ большими прыжками по комнатѣ. Здѣсь хрустѣла кость чьей-нибудь руки въ его желѣзныхъ пальцахъ, тамъ выскакивало плечо изъ суставовъ.

Съ криками боли нападавшіе убѣгали въ корридоръ. Но какъ только первый изъ нихъ, истекая кровью, выбрался изъ комнаты, Роковъ, убѣдившись, что Тарзанъ не будетъ побѣжденъ, поспѣшилъ сообщить по телефону полиціи о человекѣ, совершающемъ убійство въ третьемъ этажѣ дома № 27 по ул. Моль.

Глазамъ прибывшей полиціи представилась такая картина: на полу лежало трое стонавшихъ мужчинъ, испуганная женщина, закрывъ лицо руками, сидѣла на кровати, а посреди комнаты стоялъ высокій господинъ, изъ-за прищуренныхъ вѣкъ сѣрыхъ глазъ котораго на нихъ смотрѣлъ дикій звѣрь.

Почуя запахъ крови, Тарзанъ стоялъ на сторожѣ и, подобно окруженному охотниками льву, готовился сразить зачинщика новаго на него нападенія.

„Что здѣсь случилось?“ спросилъ одинъ изъ полицейскихъ.

Тарзанъ объяснилъ въ чемъ дѣло и затѣмъ, повернувшись въ сторону женщины, указалъ на нее, какъ на свидѣтельницу, но женщина, однако, закричала:

„Онъ лжетъ! Онъ пришелъ сюда съ грязной цѣлью. Воспользовавшись тѣмъ, что я одинока, онъ чуть не задушилъ меня, когда я отвергла его гнусное предложеніе. Мои крики привлекли этихъ людей, случайно проходившихъ мимо. Онъ — настоящій дьяволъ, т. к.

одинъ, при помощи лишь рукъ и зубовъ, почти убилъ 10 человѣкъ!“

Тарзанъ былъ такъ пораженъ этой неблагодарностью, что въ первый моментъ не могъ выговорить ни слова.

Хотя полицейскіе скептически относились къ словамъ женщины, ибо она и ея мнимые „защитники“ были уже извѣстны по другихъ дѣламъ, но т. к. разобрать, кто правъ и кто виноватъ, входило въ компетенцію судьи, а не полиціи, то было рѣшено арестовать всѣхъ.

Сказать хорошо одѣтому высокому джентельмену, что онъ арестованъ, было легко, заставить же его слѣдовать за собой оказалось совершенно инымъ.

„Я ни въ чемъ не виновенъ — спокойно заявилъ онъ. — Я лишь защищался и не понимаю, для чего эта женщина солгала вамъ. Она не можетъ считать меня своимъ врагомъ, т. к. до прихода сюда, я никогда ея не видалъ“.

„Ладно, ладно! — возразилъ одинъ изъ полицейскихъ, — для этого есть судьи, которые разберутъ дѣло“, и съ этими словами онъ хотѣлъ положить руку на плечо Тарзана.

Не прошло и секунды, какъ онъ оказался отброшеннымъ въ уголь, а съ его товарищами, поспѣшившими на помощь, случилось тоже, что незадолго до этого испытали апаши.

Тарзанъ дѣйствовалъ такъ быстро и ловко, что они не могли воспользоваться револьверами. Во время этой короткой схватки, Тарзанъ замѣтилъ открытое окно, а за нимъ стволъ дерева или телеграфный столбъ, — точно онъ не могъ разобрать. Когда послѣдній полицейскій лежалъ на полу, одному изъ нихъ удалось выхватить револьверъ, и онъ, лежа, выстрѣлилъ въ Тарзана, но далъ промахъ и прежде чѣмъ онъ успѣлъ выстрѣлить вторично, Тарзанъ потушилъ лампу.

Въ темнотѣ полицейскіе могли еще разобрать, что кто-то вскочилъ на подоконникъ, и, какъ пантера, поползъ по стѣнѣ къ столбу. Они были очень обезкуражены и раздосадованы тѣмъ, что одинъ безоружный человѣкъ разбросалъ ихъ, какъ дѣтей, и исчезъ съ такой легкостью, точно ихъ вовсе не было. Настроеніе полиціи отразилось на арестованныхъ, съ которыми обращеніе было далеко неласковое. Оставленный на улицѣ для наблюденія поли-

цейскій клялся, что изъ окна никто не выскакивалъ, а также никто не выходилъ изъ зданія, за все время пребывания тамъ полиціи. И онъ не лгалъ, ибо, когда Тарзанъ висѣлъ на столбѣ, то прежде, чѣмъ спуститься, онъ, слѣдуя выработанной въ джунгляхъ привычкѣ, осмотрѣлся въ поискахъ враговъ. Это было очень предусмотрительно, т. к., внизу для наблюденія былъ, какъ извѣстно, оставленъ полицейскій, почему Тарзанъ вскарабкался на самую верхушку столба и затѣмъ вскочилъ на крышу. Съ одного зданія онъ переходилъ на другое, пока не достигъ новаго столба, по которому онъ и спустился на землю. Нѣкоторое время онъ быстро бѣжалъ, потомъ зашелъ въ небольшое ночное кафе и въ уборной привелъ себя въ порядокъ. Вскорѣ, онъ вышелъ изъ кафе и медленно направился домой. Уже недалеко отъ дома, Тарзанъ долженъ былъ пересѣчь ярко освѣщенный бульваръ. Желая пропустить ѣхавшій мимо автомобиль, онъ остановился подъ фонаремъ, какъ вдругъ кто-то его громко позвалъ по фамиліи. Поднявъ голову, онъ встрѣтился съ улыбающимися глазами графини Ольги де Кудъ. На ея дружеское привѣтствіе, Тарзанъ отвѣтилъ низкимъ поклономъ, и когда опять поднялъ голову, то автомобиль былъ уже далеко.

„Странно, — подумалъ онъ, — Рокова и графиню я встрѣтилъ въ одинъ и тотъ-же вечеръ. Парижъ, повидимому, не такъ-то ужъ великъ“.

Глава IV.

Объясненіе графини.

„Твой Парижъ опаснѣе моихъ дикихъ джунглей, Павелъ“, закончилъ Тарзанъ рассказъ о своихъ приключеніяхъ на улицѣ Мольтъ. „Для чего они заманили меня туда, ѣсть имъ нечего что-ли?“

Д'Арно разсмѣялся на это и, шутя, спросилъ:

„Трудно подняться надъ уровнемъ джунглей и разсуждать съ точки зрѣнія цивилизаціи, неправда-ли мой, другъ?“

„Съ точки зрѣнія цивилизаціи, дѣйствительно, трудно!“ насмѣшливо промолвилъ Тарзанъ. „Уровень джунглей не допускаетъ подлыхъ жестокостей: тамъ убиваютъ въ цѣляхъ добыванія

пищи, въ цѣляхъ самозащиты, въ борьбѣ за самку, или для спасенія дѣтенышей. Какъ видишь, всегда въ соотвѣтствіи съ какимъ-либо изъ великихъ законовъ природы. А здѣсь? Твой цивилизованный человѣкъ гораздо болѣе жестокъ, нежели звѣри. Онъ убиваетъ по злобѣ или пользуется благороднымъ чувствомъ братства людей, чтобы заманить жертву въ свою западню. Вѣдь въ комнату, гдѣ ожидали меня убійцы, я поспѣшилъ на крики о помощи. Я не понялъ и теперь еще не понимаю, какъ женщина можетъ пасть такъ низко, чтобы звать на помощь человѣка, зная, что его ожидаетъ ловушка. Это такъ и есть, ибо присутствіе тамъ Рокова и лживое объясненіе моего прихода не допускаютъ иныхъ предположеній. Зная, что я часто прохожу по ул. Моль, Роковъ выработалъ всѣ подробности, вплоть до лживаго показанія женщины на случай неудачи своего плана. Теперь мнѣ это совершенно ясно!

„Нѣтъ худа безъ добра,—сказалъ Д'Арно,—ты, по крайней мѣрѣ, самъ убѣдился въ томъ, чему не хотѣлъ вѣрить:—что улицу Моль слѣдуетъ избѣгать съ наступленіемъ темноты“.

„Напротивъ,—улыбаясь возразилъ Тарзанъ,—я только убѣдился, что это самая интересная улица, и я никогда не упущу случая пройти по ней, т. к. съ ней связано первое интересное приключеніе съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Африку“.

„Улица Моль можетъ доставить тебѣ больше удовольствій, чѣмъ ты воображаешь, и притомъ безъ дальнѣйшаго ея посѣщенія. Не забывай, что еще не кончены твои счеты съ полиціей. Я хорошо знаю Парижскую полицію и убѣжденъ, что рано или поздно тебя найдутъ, дорогой Тарзанъ, и тогда дикаго человѣка посадятъ за рѣшетку“.

„Имъ это никогда не удастся!“ мрачно отвѣтилъ Тарзанъ.

Тонъ его отвѣта, холодный блескъ сѣрыхъ глазъ, сжатый ротъ и вообще вся поза вызвали въ молодомъ французѣ беспокойство за это большое дитя, непризнававшее иныхъ законовъ, кромѣ своей физической мощи.

Д'Арно рѣшилъ, что на его обязан-

ности лежитъ уладить инцидентъ съ полиціей.

„Ты еще многому долженъ научиться, Тарзанъ“, сказалъ онъ серьезно.

„Человѣческіе законы нужно уважать, независимо отъ того нравятся они тебѣ или нѣтъ. Если ты будешь пренебрегать ими, то это причинитъ только много непріятностей тебѣ и твоимъ друзьямъ. Я объяснюсь сегодня же за тебя съ полиціей, но послѣ этого ты долженъ будешь покоряться закону и исполнять всѣ распоряженія его представителей. Поѣдемъ-ка къ моему пріятелю въ департаментъ полиціи и уладимъ это дѣло!“

Черезъ полчаса они входили уже въ зданіе департамента. Директоръ встрѣтилъ ихъ очень привѣтливо: онъ не забылъ еще перваго визита Тарзана по дѣлу объ оттискахъ пальцевъ.

Когда Д'Арно закончилъ разсказъ о происшествіяхъ минувшей ночи, улыбка заиграла на лицѣ начальника.

Нажавъ пуговку звонка, онъ, въ ожиданіи прихода секретаря, сталъ просматривать бумаги на своемъ столѣ, изъ которыхъ одну отложилъ въ сторону.

„Распорядитесь вызвать немедленно этихъ полицейскихъ!“ сказалъ начальникъ вошедшему секретарю, передавая ему отложенную бумагу.

Затѣмъ, онъ обратился къ Тарзану:

„Вы очень оскорбили полицію и, если бы не объясненія вашего друга, я долженъ былъ бы наложить на васъ строгое взысканіе. Въмѣсто этого я сдѣлаю нѣчто неслыханное: я приказалъ вызвать этихъ самыхъ полицейскихъ, съ которыми вы такъ плохо обошлись прошлой ночью. Они выслушаютъ разсказъ лейтенанта Д'Арно и сами рѣшатъ, какъ поступить съ вами. Въ вашемъ дѣлѣ полицейскіе лишь исполнили свой долгъ, но не поступали самовольно. Часто они рискуютъ жизнью защищая жизнь и имущество другихъ. Это они сдѣлали бы и для васъ. Облегчите же имъ задачу забыть нанесенное вами оскорбленіе. Я думаю, что не ошибусь, назвавъ васъ самымъ отважнымъ человѣкомъ, а отвагъ свойственно великодушію“.

Продолженіе слѣдуетъ.

Вышла изъ печати новая книга:

Александръ Черниговскій.

СТРЕМНИНЫ.

ЛЕГЕНДЫ И СИЛУЭТЫ ИЗГНАНІЯ.

Дитъ сріго, срего... — Обыденный. — Закладъ Св. Чудотворца Николая. — Сильнѣ женщины. — Каменя. — Сердце народа. — Лицо жизни. — Главкомъ. Обложка работы художника А. И. Владовскаго.

Из-во „Алконость“, Ревель—Берлинъ.

Цѣна **165** мар. Продажа во всѣхъ лучш. книжныхъ магазинахъ Ревеля. Выписывающіе изъ склада изд., Б. Іоакимстальская, № 2, типографія „Эркъ“, за пересылку не платятъ.

ТИПОГРАФІЯ и ПЕРЕПЛЕТНАЯ
„ERK”

❖ TALLINN, Suur Juhkentali tänav Nr. 2 ❖

Телефонъ

25-11

Kõnetraat

25-11

TRÜKIKODA
RAAMATUKÖITE

BUCHDRUCKEREI
BUCHBINDEREI